ПОЛДЕНЬ, XXII ВЕК

АРКАДИЙ И БОРИС
СТРУГАЦКИЕ

Аркадий и Борис Стругацкие

Полдень, XXII век

«Наследник Стругацких»
«Автор»
1961

Стругацкие А.

Полдень, XXII век / А. Стругацкие — «Наследник Стругацких», «Автор», 1961

«Полдень, XXII век». Центральное произведение знаменитого цикла братьев Стругацких о мире будущего. Шедевр отечественной (и мировой) утопической фантастики, выдержавший проверку временем – и сейчас читающийся с таким же удовольствием, как и десятилетия назад. Роман, который сами авторы называли книгой о «Светлом, Чистом, Интересном мире».

© Стругацкие А., 1961
© Наследник Стругацких, 1961
© Автор, 1961

Содержание

Глава первая 5
НОЧЬ НА МАРСЕ 5
ПОЧТИ ТАКИЕ ЖЕ 14
Глава вторая 26
ПЕРЕСТАРОК 26
ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ 30
ХРОНИКА 44
ДВОЕ С «ТАЙМЫРА» 45
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Аркадий и Борис Стругацкие
ПОЛДЕНЬ, XXII ВЕК

Глава первая
ПОЧТИ ТАКИЕ ЖЕ

НОЧЬ НА МАРСЕ

Когда рыжий песок под гусеницами краулера вдруг осел, Петр Алексеевич Новаго дал задний ход и крикнул Манделю: «Соскакивай!» Краулер задергался, разбрасывая тучи песка и пыли, и стал переворачиваться кормой кверху. Тогда Новаго выключил двигатель и вывалился из краулера. Он упал на четвереньки и, не поднимаясь, побежал в сторону, а песок под ним оседал и проваливался, но Новаго все-таки добрался до твердого места и сел, подобрав под себя ноги.

Он увидел Манделя, стоявшего на коленях на противоположном краю воронки, и окутанную паром корму краулера, торчащую из песка на дне воронки. Теоретически было невозможно предположить, что с краулером типа «Ящерица» может случиться что-либо подобное. Во всяком случае, здесь, на Марсе. Краулер «Ящерица» был легкой, быстроходной машиной – пятиместная открытая платформа на четырех автономных гусеничных шасси. Но вот он медленно сползал в черную дыру, где жирно блестела глубокая вода. От воды валил пар.

– Каверна, – хрипло сказал Новаго. – Не повезло, надо же…

Мандель повернул к Новаго лицо, закрытое до глаз кислородной маской.

– Да, не повезло, – сказал он.

Ветра совсем не было. Клубы пара из каверны поднимались вертикально в черно-фиолетовое небо, усыпанное крупными звездами. Низко на западе висело солнце – маленький яркий диск над дюнами. От дюн по красноватой долине тянулись черные тени. Было совершенно тихо, слышалось только шуршание песка, стекающего в воронку.

– Ну ладно, – сказал Мандель и поднялся. – Что будем делать? Вытащить его, конечно, нельзя. – Он кивнул в сторону каверны. – Или можно?

Новаго покачал головой.

– Нет, Лазарь Григорьевич, – сказал он. – Нам его не вытащить.

Раздался длинный, сосущий звук, корма краулера скрылась, и на черной поверхности воды один за другим вспучились и лопнули несколько пузырей.

– Да, пожалуй, не вытащить, – сказал Мандель. – Тогда надо идти, Петр Алексеевич. Пустяки – тридцать километров. Часов за пять дойдем.

Новаго смотрел на черную воду, на которой уже появился тонкий ледяной узор. Мандель поглядел на часы.

– Восемнадцать двадцать. В полночь мы будем там.

– В полночь, – сказал Новаго с сомнением. – Вот именно в полночь.

«Осталось километров тридцать, – подумал он. – Из них километров двадцать придется идти в темноте. Правда, у нас есть инфракрасные очки, но все равно дело дрянь. Надо же такому случиться… На краулере мы были бы там засветло. Может быть, вернуться на Базу и взять другой краулер? До Базы сорок километров, и там все краулеры в разгоне, и мы прибудем на плантации только завтра к утру, когда будет уже поздно. Ах как нехорошо получилось!»

– Ничего, Петр Алексеевич, – сказал Мандель и похлопал себя по бедру, где под дохой болталась кобура с пистолетом. – Пройдем.

– А где инструменты? – спросил Новаго.

Мандель огляделся.

– Я их сбросил, – сказал он. – Ага, вот они.

Он сделал несколько шагов и поднял небольшой саквояж.

– Вот они, – повторил он, стирая с саквояжа песок рукавом дохи. – Пошли?

– Пошли, – сказал Новаго.

И они пошли.

Они пересекли долину, вскарабкались на дюну и снова стали спускаться. Идти было легко. Даже пятипудовый Новаго, вместе с кислородными баллонами, системой отопления, в меховой одежде и со свинцовыми подметками на унтах весил здесь всего сорок килограммов. Маленький сухопарый Мандель шагал, как на прогулке, небрежно помахивая саквояжем. Песок был плотный, слежавшийся, и следов на нем почти не оставалось.

– За краулер мне страшно влетит от Иваненки, – сказал Новаго после долгого молчания.

– При чем здесь вы? – возразил Мандель. – Откуда вы могли знать, что здесь каверна? И воду мы, как-никак, нашли.

– Это вода нас нашла, – сказал Новаго. – Но за краулер все равно влетит. Знаете, как Иваненко: «За воду спасибо, а машину вам больше не доверю».

Мандель засмеялся:

– Ничего, обойдется. Да и вытащить этот краулер будет не так уж трудно… Глядите, какой красавец!

На гребне недалекого бархана, повернув к ним страшную треугольную голову, сидел мимикродон – двухметровый ящер, крапчато-рыжий, под цвет песка. Мандель кинул в него камешком и не попал. Ящер сидел, раскорячившись, неподвижный, как кусок камня.

– Прекрасен, горд и невозмутим, – заметил Мандель.

– Ирина говорит, что их очень много на плантациях, – сказал Новаго. – Она их подкармливает…

Они, не сговариваясь, прибавили шаг.

Дюны кончились. Они шли теперь через плоскую солончаковую равнину. Свинцовые подошвы звонко постукивали на мерзлом песке. В лучах белого закатного солнца горели большие пятна соли; вокруг пятен, ощетинясь длинными иглами, желтели шары кактусов. Их было очень много на равнине, этих странных растений без корней, без листьев, без стволов.

– Бедный Славин, – сказал Мандель. – Вот беспокоится, наверное.

– Я тоже беспокоюсь, – проворчал Новаго.

– Ну, мы с вами врачи, – сказал Мандель.

– А что врачи? Вы хирург, я терапевт. Я принимал всего раз в жизни, и это было десять лет назад в лучшей поликлинике Архангельска, и у меня за спиной стоял профессор…

– Ничего, – сказал Мандель. – Я принимал несколько раз. Не надо только волноваться. Все будет хорошо.

Под ноги Манделю попал колючий шар. Мандель ловко пнул его. Шар описал в воздухе длинную пологую дугу и покатился, подпрыгивая и ломая колючки.

– Удар, и мяч медленно выкатывается на свободный, – сказал Мандель. – Меня беспокоит другое: как будет ребенок развиваться в условиях уменьшенной тяжести?

– Это меня как раз совсем не беспокоит, – сердито отозвался Новаго. – Я уже говорил с Иваненко. Можно будет оборудовать центрифугу.

Мандель подумал.

– Это мысль, – сказал он.

Когда они огибали последний солончак, что-то пронзительно свистнуло, один из шаров в десяти шагах от Новаго взвился высоко в небо и, оставляя за собой белесую струю влажного воздуха, перелетел через врачей и упал в центре солончака.

– Ох! – вскрикнул Новаго.

Мандель засмеялся.

– Ну что за мерзость! – плачущим голосом сказал Новаго. – Каждый раз, когда я иду через солончаки, какой-нибудь мерзавец…

Он подбежал к ближайшему шару и неловко ударил его ногой. Шар вцепился колючками в полу его дохи.

– Мерзость! – прошипел Новаго, на ходу с трудом отдирая шар сначала от дохи, а затем от перчаток.

Шар свалился на песок. Ему было решительно все равно. Так он и будет лежать – совершенно неподвижно, засасывая и сжимая в себе разреженный марсианский воздух, а потом вдруг разом выпустит его с оглушительным свистом и ракетой перелетит метров на десять-пятнадцать.

Мандель вдруг остановился, поглядел на солнце и поднес к глазам часы.

– Девятнадцать тридцать пять, – пробормотал он. – Солнце сядет через полчаса.

– Что вы сказали, Лазарь Григорьевич? – спросил Новаго.

Он тоже остановился и оглянулся на Манделя.

– Блеяние козленка манит тигра, – произнес Мандель. – Не разговаривайте громко перед заходом солнца.

Новаго огляделся. Солнце стояло уже совсем низко. Позади на равнине погасли пятна солончаков. Дюны потемнели. Небо на востоке сделалось черным, как китайская тушь.

– Да, – сказал Новаго, озираясь, – громко разговаривать нам не стоит. Говорят, у нее очень хороший слух.

Мандель поморгал заиндевевшими ресницами, изогнулся и вытащил из кобуры теплый пистолет. Он щелкнул затвором и сунул пистолет за отворот правого унта. Новаго тоже достал пистолет и сунул за отворот левого унта.

– Вы стреляете левой? – спросил Мандель.

– Да, – ответил Новаго.

– Это хорошо, – сказал Мандель.

– Да, говорят.

Они поглядели друг на друга, но ничего уже нельзя было рассмотреть выше маски и ниже меховой опушки капюшона.

– Пошли, – сказал Мандель.

– Пошли, Лазарь Григорьевич. Только теперь мы пойдем гуськом.

– Ладно, – весело согласился Мандель. – Чур, я впереди.

И они пошли дальше: впереди Мандель с саквояжем в левой руке, в пяти шагах за ним Новаго. «Как быстро темнеет, – думал Новаго. – Осталось километров двадцать пять. Ну, может быть, немного меньше. Двадцать пять километров по пустыне в полной темноте… И каждую секунду она может броситься на нас. Из-за той дюны, например. Или из-за той, подальше. – Новаго зябко поежился. – Надо было выехать утром. Но кто мог знать, что на трассе есть каверна? Поразительное невезение. И все же надо было выехать утром. Даже вчера, с вездеходом, который повез на плантации пеленки и аппаратуру. Впрочем, вчера Мандель оперировал. Темнеет и темнеет. Марк, наверное, места уже не находит. То и дело бегает на башню поглядеть, не едут ли долгожданные врачи. А долгожданные врачи тащатся пешком по ночной пустыне. Ирина успокаивает его, но тоже, конечно, волнуется. Это у них первый ребенок, и первый ребенок на Марсе, первый марсианин… Она очень здоровая и уравновешенная

женщина. Замечательная женщина! Но на их месте я бы воздержался от ребенка. Ничего, все будет благополучно. Только бы нам не задержаться…»

Новаго все время глядел вправо, на сереющие гребни дюн. Мандель тоже глядел вправо. Поэтому они не сразу заметили Следопытов. Следопытов было тоже двое, и они появились слева.

– Эхой, друзья! – крикнул тот, что был повыше.

Другой, короткий, почти квадратный, закинул карабин за плечо и помахал рукой.

– Эге, – сказал Новаго с облегчением. – А ведь это Опанасенко и канадец Морган. Эхой, товарищи! – радостно заорал он.

– Какая встреча! – сказал, подходя, долговязый Гэмфри Морган. – Добрый вечер, доктор, – сказал он, пожимая руку Манделя. – Добрый вечер, доктор, – повторил он, пожимая руку Новаго.

– Здравствуйте, товарищи, – прогудел Опанасенко. – Какими судьбами?

Прежде чем Новаго успел ответить, Морган неожиданно сказал:

– Спасибо, все зажило. – И снова протянул Манделю длинную руку.

– Что? – спросил озадаченный Мандель. – Впрочем, я рад.

– О нет, он еще в лагере, – сказал Морган. – Но он тоже почти здоров.

– Что это вы так странно изъясняетесь, Гэмфри? – осведомился сбитый с толку Мандель.

Опанасенко схватил Моргана за край капюшона, притянул к себе и закричал ему прямо в ухо:

– Все не так, Гэмфри! Ты проспорил!

Затем он повернулся к врачам и объяснил, что час назад канадец случайно повредил в наушниках слуховые мембраны и теперь ничего не слышит, хотя уверяет, что может отлично обходиться в марсианской атмосфере без помощи акустической «текник».

– Он говорит, что и так знает, что ему могут сказать. Мы спорили, и он проиграл. Теперь он будет пять раз чистить мой карабин.

Морган засмеялся и сообщил, что девушка Галя с Базы здесь совершенно ни при чем. Опанасенко безнадежно махнул рукой и спросил:

– Вы, конечно, на плантации, на биостанцию?

– Да, – сказал Новаго. – К Славиным.

– Ну правильно, – сказал Опанасенко. – Они вас очень ждут. А почему пешком?

– О, какая досада! – виновато сказал Морган. – Не могу слышать совсем ничего.

Опанасенко опять притянул его к себе и крикнул:

– Подожди, Гэмфри! Потом расскажу!

– Гуд, – сказал Морган. Он отошел и, оглядевшись, стащил с плеча карабин. У Следопытов были тяжелые двуствольные полуавтоматы с магазином на двадцать пять разрывных пуль.

– Мы потопили краулер, – сказал Новаго.

– Где? – быстро спросил Опанасенко. – Каверна?

– Каверна. На трассе, примерно сороковой километр.

– Каверна! – радостно сказал Опанасенко. – Слышишь, Гэмфри? Еще одна каверна!

Гэмфри Морган стоял к ним спиной и вертел головой в капюшоне, разглядывая темнеющие барханы.

– Ладно, – сказал Опанасенко. – Это после. Так вы потопили краулер и решили идти пешком? А оружие у вас есть?

Мандель похлопал себя по ноге.

– А как же, – сказал он.

– Та-ак, – сказал Опанасенко. – Придется вас проводить. Гэмфри! Черт, не слышит…

– Погодите, – сказал Мандель. – Зачем это?

– Она где-то здесь, – сказал Опанасенко. – Мы видели следы.

Мандель и Новаго переглянулись.

– Вам, разумеется, виднее, Федор Александрович, – нерешительно сказал Новаго, – но я полагал… В конце концов, мы вооружены.

– Сумасшедшие, – убежденно сказал Опанасенко. – У вас там на Базе все какие-то, извините, блаженные. Предупреждаем, объясняем – и вот, пожалуйста. Ночью. Через пустыню. С пистолетиками. Вам что, Хлебникова мало?

Мандель пожал плечами.

– По-моему, в данном случае… – начал он, но тут Морган сказал: «Ти-хо!», и Опанасенко мгновенно сорвал с плеча карабин и встал рядом с канадцем.

Новаго тихонько крякнул и потянул из унта пистолет.

Солнце уже почти скрылось – над черными зубчатыми силуэтами дюн светилась узкая желто-зеленая полоска. Все небо стало черным, и звезд было очень много. Звездный блеск лежал на стволах карабинов, и было видно, как стволы медленно двигаются направо и налево.

Потом Гэмфри сказал: «Ошибка. Прошу прощения», и все сразу зашевелились. Опанасенко крикнул на ухо Моргану:

– Гэмфри, они идут на биостанцию к Ирине Викторовне! Надо проводить!

– Гуд. Я иду, – сказал Морган.

– Мы идем вместе! – крикнул Опанасенко.

– Гуд. Идем вместе.

Врачи все еще держали в руках пистолеты. Морган повернулся к ним, всмотрелся и воскликнул:

– О, это не нужно! Это спрятать.

– Да-да, пожалуйста, – сказал Опанасенко. – И не вздумайте стрелять. И наденьте очки.

Следопыты были уже в инфракрасных очках. Мандель стыдливо сунул пистолет в глубокий карман дохи и перехватил саквояж в правую руку. Новаго помедлил немного, затем снова опустил пистолет за отворот левого унта.

– Пошли, – сказал Опанасенко. – Мы поведем вас не по трассе, а напрямик, через раскопки. Это ближе.

Теперь впереди и правее Манделя шел с карабином под мышкой Опанасенко. Позади и правее Новаго вышагивал Морган. Карабин на длинном ремне висел у него на шее. Опанасенко шел очень быстро, круто забирая на запад.

В инфракрасные очки дюны казались черно-белыми, а небо – серым и пустым. Это было похоже на рисунок свинцовым карандашом. Пустыня быстро остывала, и рисунок становился все менее контрастным, словно заволакивался туманной дымкой.

– А почему вас так обрадовала наша каверна, Федор Александрович? – спросил Мандель. – Вода?

– Ну как же, – сказал Опанасенко, не оборачиваясь. – Во-первых – вода, а во-вторых – в одной каверне мы нашли облицованные плиты.

– Ах да, – сказал Мандель. – Конечно.

– В нашей каверне вы найдете целый краулер, – мрачно проворчал Новаго.

Опанасенко вдруг резко свернул, огибая ровную песчаную площадку. На краю площадки стоял шест с поникшим флажком.

– Зыбучка, – проговорил позади Морган. – Очень опасно.

Зыбучие пески были настоящим проклятием. Месяц назад был организован специальный отряд разведчиков-добровольцев, который должен был отыскать и отметить все зыбучие участки в окрестностях Базы.

– Но ведь Хасэгава, кажется, доказал, – сказал Мандель, – что вид этих плит может объясняться и естественными причинами.

– Да, – сказал Опанасенко. – В том-то и дело.

– А вы нашли что-нибудь за последнее время? – спросил Новаго.

– Нет. Нефть нашли на востоке, окаменелости нашли очень интересные. А по нашей линии – ничего.

Некоторое время они шли молча. Затем Мандель сказал глубокомысленно:

– Пожалуй, ничего странного в этом нет. На Земле археологи имеют дело с остатками культуры, которым самое большое сотня тысяч лет. А здесь – десятки миллионов. Напротив, было бы странно…

– Да мы и не очень жалуемся, – сказал Опанасенко. – Мы сразу получили такой жирный кусок – два искусственных спутника. Нам даже копать ничего не пришлось. И потом, – добавил он, помолчав, – искать не менее интересно, чем находить.

– Тем более, – сказал Мандель, – что освоенная вами площадь пока так мала…

Он споткнулся и чуть не упал. Морган проговорил вполголоса:

– Петр Алексеевич, Лазарь Григорьевич, я подозреваю, что вы все время беседуете. Это сейчас нельзя. Федор меня подтвердит.

– Гэмфри прав, – виновато сказал Опанасенко. – Давайте лучше молчать.

Они миновали гряду барханов и спустились в долину, где слабо мерцали под звездами солончаки.

«Опять, – подумал Новаго. – Опять эти кактусы». Ему никогда еще не приходилось видеть кактусы ночью. Кактусы испускали ровный яркий инфрасвет. По всей долине были разбросаны светлые пятна. «Очень красиво! – подумал Новаго. – Может быть, ночью они не взбрыкивают. Это было бы приятной неожиданностью. И без того нервы натянуты: Опанасенко сказал, что она где-то здесь. Она где-то здесь…» Новаго попытался представить себе, каково бы им было сейчас без этого заслона справа, без этих спокойных людей с их тяжелыми смертоубойными пушками наготове. Запоздалый страх морозом прошел по коже, словно наружный мороз проник под одежду и коснулся голого тела. С пистолетиками среди ночных дюн… Интересно, умеет Мандель стрелять? Умеет, конечно, ведь он несколько лет работал на арктических станциях. Но все равно… «Не догадался взять ружье на Базе, дурак! – подумал Новаго. – Хороши бы мы сейчас были без Следопытов… Правда, о ружье некогда было думать. Да и сейчас надо думать о другом, о том, что будет, когда доберемся до биостанции. Это поважнее. Это сейчас вообще самое важное – важнее всего».

«Она всегда нападает справа, – думал Мандель. – Все говорят, что она нападает только справа. Непонятно. И непонятно, почему она вообще нападает. Как будто последний миллион лет она только тем и занималась, что нападала справа на людей, неосторожно удалившихся ночью пешком от Базы. Понятно, почему на удалившихся. Можно себе представить, почему ночью. Но почему на людей и почему справа? Неужели на Марсе есть свои двуногие, легко уязвимые справа или трудно уязвимые слева? Тогда где они? За пять лет колонизации Марса мы не встретили здесь животных крупнее мимикродона. Впрочем, она тоже появилась всего два месяца назад. За два месяца восемь случаев нападения. И никто ее как следует не видел, потому что она нападает только ночью. Интересно, что она такое. У Хлебникова было разорвано правое легкое, пришлось ставить ему искусственное легкое и два ребра. Судя по ране, у нее необычайно сложный ротовой аппарат. По крайней мере восемь челюстей с режущими пластинками, острыми как бритва. Хлебников помнит только длинное блестящее тело с гладким волосом. Она прыгнула на него из-за бархана шагах в тридцати… – Мандель быстро огляделся по сторонам. – Вот бы мы сейчас шли вдвоем… – подумал он. – Интересно, умеет Новаго стрелять? Наверное, умеет, ведь он долго работал в тайге с геологами. Он хорошо это придумал – центрифуга. Семь-восемь часов в сутки нормальной тяжести для мальчишки будет вполне достаточно. Хотя почему – для мальчишки? А если будет девочка? Еще лучше, девочки легче переносят отклонения от нормы…»

Долина с солончаками осталась позади. Справа потянулись длинные узкие траншеи, пирамидальные кучи песка. В одной из траншей, уныло опустив ковш, стоял экскаватор.

«Экскаватор надо увести, – подумал Опанасенко. – Что он здесь зря болтается? Скоро бури начнутся. На обратном пути, пожалуй, и уведу. Жаль, что он такой тихоходный, – по дюнам не более километра в час. А то было бы славно. Ноги гудят. Сегодня сделали с Морганом километров пятьдесят. В лагере будут беспокоиться. Ничего, с биостанции дадим радиограмму. Как там еще на биостанции будет! Бедный Славин. Но это все-таки здорово – на Марсе будет малыш! Значит, будут люди, которые когда-нибудь скажут: „Я родился на Марсе“. Только бы не опоздать. – Опанасенко пошел быстрее. – А доктора каковы! – подумал он. – Воистину, докторам закон не писан. Хорошо, что мы их встретили. На Базе, видимо, плохо понимают, что такое пустыня ночью. Хорошо бы ввести патруль, а еще лучше – облаву. На всех краулерах и вездеходах Базы».

Гэмфри Морган, погруженный в мертвую тишину, шагал, положив руки на карабин, и все время глядел вправо. Он думал о том, что в лагере, кроме дежурного, обеспокоенного их отсутствием, все уже, наверное, спят; что завтра нужно перевести группу в квадрат Е-11; что теперь придется пять вечеров подряд чистить «Федорз ган»; что придется еще чинить слуховое устройство. Затем он подумал, что врачи молодцы и смельчаки и что Ирина Славина тоже молодец и смельчак. Затем он вспомнил Галю, радистку на Базе, и с сожалением подумал, что при встречах она всегда спрашивает его о Хасэгава. Японец – превосходный товарищ, но в последнее время он тоже зачастил на Базу. Правда, трудно спорить – Хасэгава умен. Это он первый подал мысль о том, что охота на «летающую пиявку» («сора-тобу хиру») может иметь прямое отношение к задачам Следопытов, потому что может навести людей на след марсианских двуногих… О эти двуногие… Соорудить два гигантских сателлита и не оставить больше ничего…

Опанасенко вдруг остановился и поднял руку. Все остановились, а Гэмфри Морган вскинул карабин и круто развернулся вправо.

– Что случилось? – спросил Новаго, стараясь говорить спокойно. Ему очень хотелось вытащить пистолет, но он постеснялся.

– Она здесь, – негромко сказал Опанасенко. Он помахал рукой Моргану.

Тот подошел, и они наклонились, всматриваясь в песок. В плотном песке виднелась неглубокая широкая колея, как будто здесь протащили мешок с чем-то тяжелым. Колея начиналась в пяти шагах справа и кончалась в пятнадцати шагах слева.

– Вот и все, – сказал Опанасенко. – Она нас выследила и идет за нами.

Он перешагнул через колею, и они пошли дальше. Новаго заметил, что Мандель снова переложил саквояж в левую руку, а правую сунул в карман дохи. Новаго усмехнулся, но ему было нехорошо. Он испытывал страх.

– Что ж, – сказал Мандель неестественно веселым голосом, – раз она нас уже выследила, давайте разговаривать.

– Давайте, – сказал Опанасенко. – А когда она прыгнет, падайте лицом вниз.

– Зачем? – оскорбленно спросил Мандель.

– Лежачего она не трогает, – пояснил Опанасенко.

– Ах да, правда.

– Остается пустяк, – проворчал Новаго. – Узнать, когда она прыгнет.

– А вы это заметите, – сказал Опанасенко. – Мы начнем палить.

– Интересно, – сказал Мандель. – Нападает она на мимикродонов? Когда они стоят столбиком, знаете? На хвосте и на задних лапах… Да! – воскликнул он. – Может быть, она принимает нас за мимикродонов?

– Мимикродонов не стоит выслеживать и нападать на них именно справа, – сказал Опанасенко немного раздраженно. – К ним можно просто подойти и есть – с хвоста или с головы, как угодно.

Через четверть часа они снова пересекли колею и еще через десять минут другую. Мандель замолчал. Теперь он не вынимал правую руку из кармана.

– Минут через пять она прыгнет, – напряженным голосом сказал Опанасенко. – Теперь она справа от нас.

– Интересно, – тихонько сказал Мандель. – Если идти спиной вперед, она тоже прыгнет справа?

– Да помолчите же, Лазарь Григорьевич, – сказал сквозь зубы Новаго.

Она прыгнула через три минуты. Первым выстрелил Морган. У Новаго зазвенело в ушах; он увидел двойную вспышку выстрела, прямые, как лучи, следы двух трасс и белые звезды разрывов на гребне бархана. Секундой позже выстрелил Опанасенко. Бах-бах, бах-ба-бах! – гремели выстрелы карабинов, и было слышно, как пули с тупым треском рвутся в песке. На мгновение Новаго показалось, что он увидел оскаленную морду с выпученными глазами, но звезды разрывов и трассы уже сместились далеко в сторону, и он понял, что ошибся. Что-то длинное и серое стремительно пронеслось невысоко над барханами, пересекая гаснущие нити трасс, и только тогда Новаго бросился животом в песок. Тах, тах, тах! – Мандель стоял на одном колене и, держа пистолет в вытянутой руке, торопливо опустошал обойму куда-то в промежуток между Морганом и Опанасенко. Бах-ба-бах, бах-ба-бах! – гремели карабины. Теперь Следопыты стреляли по очереди. Новаго увидел, как длинный Морган на четвереньках вскарабкался на бархан, упал, и плечи его затряслись от выстрелов. Опанасенко стрелял с колена, и белые вспышки раз за разом озаряли огромные черные очки и черный намордник кислородной маски.

Затем наступила тишина.

– Отбили, – сказал Опанасенко, поднимаясь и отряхивая песок с колен. – Вот так всегда: если вовремя открыть огонь, она прыгает в сторону и удирает.

– Я попал в нее один раз, – громко сказал Гэмфри Морган. Было слышно, как он со звоном вытащил пустую обойму.

– Ты разглядел ее? – спросил Опанасенко. – Да, он же не слышит.

Новаго, кряхтя, поднялся и посмотрел на Манделя. Мандель, завернув полу дохи, втискивал пистолет в кобуру. Новаго сказал:

– Ну знаете, Лазарь Григорьевич…

Мандель виновато покашлял.

– Я, кажется, не попал, – сказал он. – Она передвигается с исключительной быстротой.

– Оч-чень рад, что вы не попали, – с сердцем сказал Новаго. – Здесь было много мишеней!

– Но вы видели ее, Петр Алексеевич? – спросил Мандель. Он нервно потирал руки в меховых перчатках. – Вы разглядели ее?

– Серая и длинная, как щука.

– И у нее нет конечностей! – возбужденно сказал Мандель. – Я совершенно отчетливо видел, что у нее нет конечностей! И, по-моему, у нее нет глаз!

Следопыты подошли к врачам.

– В такой кутерьме, – сказал Опанасенко, – очень легко перечислить, чего у нее нет. Гораздо труднее сказать, что у нее есть. – Он засмеялся. – Ну ладно, товарищи. Самое главное – нападение мы отбили.

– Я пойду поищу тело, – неожиданно сказал Морган. – Я попал один раз.

Опанасенко повернулся к нему.

– Что ты сказал, Федор? – спросил Морган.

– Ни в коем случае, – сказал Новаго.

– Нет, – сказал Опанасенко. Он притянул Моргана к себе и крикнул: – Нет, Гэмфри! Нет времени! Поищем завтра вместе на обратном пути!

Мандель поглядел на часы.

– Ого! – сказал он. – Уже десять пятнадцать. Сколько еще идти, Федор Александрович?

– Километров десять, не больше. К двенадцати будем там.

– Отлично, – сказал Мандель. – А где мой саквояж? – Он завертелся на месте. – А, вот он…

– Пойдем, как раньше, – сказал Опанасенко. – Вы слева. Может быть, она здесь не одна.

– Теперь бояться нечего, – проворчал Новаго. – У Лазаря Григорьевича пустая обойма.

И они пошли, как раньше. Новаго – в пяти шагах позади Манделя, впереди и правее – Опанасенко с карабином под мышкой, а позади и правее – Морган с карабином на шее.

Опанасенко шел быстро и думал, что больше так продолжаться не может. Независимо от того, убил Морган эту гадину или нет, послезавтра надо пойти на Базу и организовать облаву. На всех краулерах и вездеходах, с ружьями, динамитом и ракетами… Ему пришел в голову аргумент для несговорчивого Иваненки, и он улыбнулся. Он скажет Иваненке: «На Марсе уже появились дети, пора очистить Марс от всякой гадости».

«Какова ночка! – думал Новаго. – Не хуже любой из тех, когда я заблудился в тайге. А самое главное еще и не начиналось и кончится не раньше чем к пяти утра. Завтра в пять, ну в шесть часов утра парень уже будет вопить на всю планету. Только бы Мандель не подкачал. Нет, Мандель не подкачает. Папаша Марк Славин может быть спокоен. Через несколько месяцев мы будем всей Базой таскать парня на руках, однообразно вопрошая: „А кто это у нас такой маленький? А кто это у нас такой пухленький?“ Только надо все очень тщательно продумать с центрифугой. И вообще пора вызывать с Земли хорошего педиатра… Парню совершенно необходим педиатр. Жаль вот, что следующие корабли будут только через год».

В том, что родится именно парень, Новаго не сомневался. Он очень любил парней, которых можно носить на руках, время от времени осведомляясь: «А кто это у нас такой маленький?»

ПОЧТИ ТАКИЕ ЖЕ

Их вот-вот должны были вызвать, и они сидели в коридоре на подоконнике перед дверью. Сережа Кондратьев болтал ногами, а Панин, вывернув короткую шею, глядел за окно в парк, где на волейбольной площадке прыгали у сетки девчонки с факультета Дистанционного Управления. Сережа Кондратьев, подсунув под себя ладони, смотрел на дверь, на блестящую черную пластинку с надписью «Большая Центрифуга». В Высшей школе космогации четыре факультета, и три из них имеют тренировочные залы, на дверях которых висит пластинка с такой же надписью. Всегда очень тревожно ждать, когда тебя вызовут на Большую Центрифугу. Вот Панин, например, глазеет на девчонок явно для того, чтобы не показать, как ему тревожно. А ведь у Панина сегодня самая обычная тренировка.

– Хорошо играют, – сказал Панин басом.

– Хорошо, – сказал Сережа, не оборачиваясь.

– У «четверки» отличный пас.

– Да, – сказал Сережа. Он передернул плечами. У него тоже был хороший пас, но он не обернулся.

Панин посмотрел на Сережу, посмотрел на дверь и сказал:

– Сегодня тебя отсюда понесут.

Сережа промолчал.

– Ногами вперед, – сказал Панин.

– Да уж, – сказал Сережа, сдерживаясь. – Тебя-то уж не понесут.

– Спокойно, спортсмен, – сказал Панин. – Спортсмену надлежит быть спокойну, выдержану и всегда готову.

– А я спокоен, – сказал Сережа.

– Ты спокоен? – сказал Панин, тыкая его в грудь негнущимся пальцем. – Ты вибрируешь. Ты трясешься, как малек на старте. Смотреть противно, как ты трясешься.

– А ты не смотри, – посоветовал Сережа. – Смотри лучше на девочек. Хороший пас и все такое.

– Ты непристоен, – сказал Панин и посмотрел в окно. – Прекрасные девушки! И замечательно играют.

– Вот и смотри, – сказал Сережа. – И старайся не стучать зубами.

– Это я стучу зубами? – изумился Панин. – Это ты стучишь зубами.

Сережа промолчал.

– Мне можно стучать зубами, – сказал Панин, подумав. – Я не спортсмен. – Он вздохнул, посмотрел на дверь и сказал: – Хоть бы скорее вызвали, что ли…

Слева в конце коридора появился староста второго курса Гриша Быстров. Он был в рабочем комбинезоне, приближался медленно и вел пальцем по стене. Лицо у него было задумчивое. Он остановился перед Кондратьевым и Паниным и сказал:

– Здравствуйте. – Голос у него был печальный.

Сережа кивнул. Панин снисходительно сказал:

– Здравствуй, Григорий. Вибрируешь ли ты перед Центрифугой, Григорий?

– Да, – ответил Гриша Быстров. – Немножко.

– Вот, – сказал Панин Сереже, – Григорий волнуется всего-навсего немножко. А между тем Григорий всего-навсего малек.

Мальками в школе называли курсантов младших курсов.

Гриша вздохнул и тоже сел на подоконник.

– Сережа, – сказал он. – Правда, что ты делаешь сегодня первую попытку на восьмикратной?

– Да, – сказал Сережа. Ему совсем не хотелось разговаривать, но он боялся обидеть Быстрова. – Если позволят, конечно, – добавил он.

– Наверное, позволят, – сказал Гриша.

– Подумаешь, попытка на восьмикратной! – сказал Панин легкомысленно.

– А ты пробовал на восьмикратной? – с интересом спросил Гриша.

– Нет, – сказал Панин. – Но зато я не спортсмен.

– А может быть, попробуешь? – сказал Сережа. – Вот прямо сейчас, вместе со мной. А?

– Я человек простой, простодушный, – ответил Панин. – Есть норма. Нормой считается пятикратная перегрузка. Мой простой, незамысловатый организм не выносит ничего, превышающего норму. Однажды он попробовал шестикратную, и его вынесли на седьмой минуте. Вместе со мной.

– Кого вынесли? – не понял Гриша.

– Мой организм, – пояснил Панин.

– Да, – сказал Гриша со слабой улыбкой. – А я вот еще не дошел и до пятикратной.

– На втором курсе и не надо пятикратной, – сказал Сережа. Он спрыгнул с подоконника и принялся приседать поочередно на левой и на правой ноге.

– Ну, я пошел, – сказал Гриша и тоже спрыгнул с подоконника.

– Что случилось, староста? – спросил Панин. – Почему такая тоска?

– Кто-то устроил штуку с Копыловым, – печально сказал Гриша.

– Опять? – сказал Панин. – Какую штуку?

Второкурсник Валя Копылов был известен на факультете своей привязанностью к вычислительной технике. Недавно на факультете установили новый, очень хороший волноводный вычислитель ЛИАНТО, и Валя проводил возле него все свободное время. Валя торчал бы возле него и ночью, но ночью на ЛИАНТО велись вычисления для дипломантов, и Валентина беспощадно выгоняли.

– Кто-то из наших запрограммировал любовное послание, – сказал Гриша. – Теперь ЛИАНТО на последнем цикле выдает: «Без Копылова жизнь не та, люблю, привет от Лианта». В простом буквенном коде.

– «Привет от Лианта…» – сказал Сережа, массируя себе плечи. – Поэты. Задавить из жалости.

– Подумать только, – сказал Панин. – Какой нынче малек пошел веселый.

– И остроумный, – сказал Сережа.

– Что вы мне это говорите, – сказал Гриша Быстров. – Вы этим дуракам скажите. Действительно, «привет от Лианта». Сегодня ночью Кан делал расчет, и вместо ответа – раз! – «привет от Лианта». Теперь он меня вызывает.

Тодор Кан, железный Кан, был начальником Штурманского факультета.

– О! – сказал Панин. – Тебе предстоят интересные полчаса, староста. Железный Кан очень живой собеседник.

– Железный Кан большой эстет, – сказал Сережа Кондратьев. – Он не потерпит старосту, у которого курсанты двух строк связать не могут.

– Я человек простой, простодушный, – начал Панин, но в это время дверь приоткрылась и высунулась голова дежурного.

– Кондратьев, Панин, приготовиться, – сказал дежурный.

Панин осекся и одернул куртку.

– Пошли, – сказал он.

Кондратьев кивнул Грише и пошел следом за Паниным в тренировочный зал. Зал был огромен, и посередине сверкало четырехметровое коромысло на толстой кубовой станине – Большая Центрифуга. Коромысло вращалось. Кабины на его концах, оттянутые центробежной силой, лежали почти горизонтально. Окошек в кабинах не было, и наблюдение за курсантами

велось изнутри станины при помощи системы зеркал. Несколько курсантов отдыхали у стены на шведской скамейке. Задрав головы, они следили за проносящимися кабинами.

– Четырехкратная, – сказал Панин, глядя на кабины.

– Пятикратная, – сказал Кондратьев. – Кто там сейчас?

– Нгуэн и Гургенидзе, – сказал дежурный.

Он принес два костюма для перегрузок, помог Кондратьеву и Панину одеться и зашнуровал их. В костюме для перегрузок человек похож на кокон шелкопряда.

– Ждите, – сказал дежурный и пошел к станине.

Раз в неделю каждый курсант крутился на центробежной установке, приучаясь к перегрузкам. Раз в неделю по часу все пять лет. Надо было сидеть и терпеть, и слушать, как трещат кости, и чувствовать, как широкие ремни впиваются сквозь толстую ткань костюма в обрюзгшее тело, как обвисает лицо и как трудно мигать – тяжелеют веки. И при этом нужно было решать какие-то малоинтересные задачки или составлять стандартные подпрограммы для вычислителя, и это было совсем нелегко, хотя и задачки, и подпрограммы были известны с первого курса. Некоторые курсанты выдерживали семикратные перегрузки, а другие не выдерживали даже тройных – они не могли справиться с черным выпадением зрения, и их переводили на факультет Дистанционного Управления.

Коромысло стало вращаться медленнее, кабинки повисли вертикально. Из одной вылез худощавый смуглый Нгуэн Фу Дат и остановился, держась за раскрытую дверцу. Его покачивало. Из другой кабинки мешком вывалился Гургенидзе. Курсанты на шведской скамеечке вскочили на ноги, но дежурный уже помог ему подняться, и он сел, упираясь руками в пол.

– Больше жизни, Лева! – громко сказал один из курсантов.

Все засмеялись. Только Панин не засмеялся.

– Ничего, ребята, – сипло сказал Гургенидзе и встал. – Ерунда! – Он страшно зашевелил лицом, разминая затекшие мускулы щек. – Ерунда! – повторил он.

– Ох и понесут же тебя сегодня, спортсмен! – сказал Панин негромко, но очень энергично.

Кондратьев сделал вид, что не слышит. «Если меня сегодня понесут, – подумал он, – все пропало. Не могут меня сегодня понести. Не должны».

– Полноват Лева, – сказал он.

Полные плохо переносили перегрузки.

– Похудеет, – бодро сказал Панин. – Захочет, так похудеет.

Панин потерял шесть кило, прежде чем научился выдерживать пятикратные перегрузки, положенные по норме. Это было необыкновенно мучительно, но он очень не хотел к дистанционникам. Он хотел быть штурманом.

В станине открылся люк, оттуда вылез инструктор в белом халате и отобрал у Нгуэна и Гургенидзе листки с записями.

– Кондратьев и Панин готовы? – спросил он.

– Готовы, – сказал дежурный.

Инструктор бегло проглядел листки.

– Так, – сказал он. – Нгуэн и Гургенидзе свободны. У вас зачет.

– Ух здорово! – сказал Гургенидзе. Он сразу стал лучше выглядеть. – У меня, значит, тоже зачет?

– У вас тоже, – сказал инструктор.

Гургенидзе вдруг звучно икнул. Все опять рассмеялись, даже Панин, и Гургенидзе очень смутился. И Нгуэн Фу Дат смеялся, распуская шнуровку костюма на поясе. Видимо, он чувствовал себя прекрасно.

Инструктор сказал:

– Панин и Кондратьев, по кабинам.

– Виталий Ефремович, – сказал Кондратьев.

– Ах да… – сказал инструктор, и лицо его приняло озабоченное выражение. – Мне очень жаль, Сергей, но врач запретил вам перегрузки выше нормы. Временно.

– Как так? – испуганно спросил Кондратьев.

– Запретил категорически.

– Но ведь я уже освоился с семикратными, – сказал Кондратьев.

– Мне очень жаль, Сергей, – повторил инструктор.

– Это какая-то ошибка, – сказал Кондратьев. – Этого не может быть.

Инструктор пожал плечами.

– Нельзя же так, – сказал Кондратьев с отчаянием. – Я же выйду из формы. – Он оглянулся на Панина. (Панин глядел в пол.) Кондратьев снова поглядел на инструктора. – У меня же все пропадет.

– Это только временно, – сказал инструктор.

– Сколько это – временно?

– До особого распоряжения. Месяца на два, не больше. Это бывает иногда. А пока будете тренироваться на пятикратных. Потом наверстаете.

– Да ничего, Сережа, – басом сказал Панин. – Отдохни немного от своих многократных.

– Все же я попросил бы… – начал Кондратьев отвратительным заискивающим голосом, каким не говорил никогда в жизни.

Инструктор нахмурился.

– Мы теряем время, Кондратьев, – сказал он. – Ступайте в кабину.

– Есть, – тихо сказал Сережа и полез в кабину.

Он уселся в кресло, пристегнулся широкими ремнями и стал ждать. Перед креслом было зеркало, и Кондратьев увидел в нем свое хмурое, злое лицо. «Лучше бы уж меня вынесли, – подумал он. – Теперь мышцы размякнут, и начинай все сначала. Когда я теперь доберусь до десятикратных! Или хотя бы до восьмикратных. Все они считают меня спортсменом, – со злостью подумал он. – И врач тоже. Может быть, рассказать ему?» Он представил себе, как он рассказывает врачу, зачем ему все это нужно, а врач глядит на него веселыми выцветшими глазками и говорит: «Умеренность, Сергей, умеренность…»

– Перестраховщик, – сказал Кондратьев громко.

Он имел в виду врача, но тут же подумал, что Виталий Ефремович может услышать это через переговорную трубку и принять на свой счет.

– Ну и ладно, – сказал он громко.

Кабину плавно качнуло. Тренировка началась.

…Когда они вышли из тренировочного зала, Панин немедленно принялся массировать отеки под глазами. У него после Большой Центрифуги всегда появлялись отеки под глазами, как и у всех курсантов, склонных к полноте. Панин очень заботился о своей внешности. Он был красив и привык нравиться. Поэтому сразу после Большой Центрифуги он немедленно принимался за свои отеки.

– У тебя вот никогда не бывает этой пакости, – сказал он Кондратьеву.

Кондратьев промолчал.

– У тебя удачная конституция, спортсмен. Как у воблы.

– Мне бы твои заботы, – сказал Кондратьев.

– Тебе же сказано, что это только временно, чудак.

– Гальцеву тоже говорили, что это только временно, а потом перевели к дистанционникам.

– Ну что ж, – рассудительно сказал Панин, – значит, не судьба ему.

Кондратьев стиснул зубы.

– Подумаешь, – сказал Панин, – запретили ему восьмикратные. Вот я, например, человек простой, простодушный…

Кондратьев остановился.

– Слушай, ты, – сказал он. – Быков увел «Тахмасиб» от Юпитера только на двенадцатикратной перегрузке. Может быть, тебе это неизвестно?

– Ну известно, – сказал Панин.

– А Юсупов погиб потому, что не выдержал восьмикратную. Это тебе тоже известно?

– Юсупов – штурман-испытатель, – сказал Панин, – и не нам чета. А Быков никогда в жизни, между прочим, на перегрузки не тренировался.

– Ты уверен? – ядовито спросил Кондратьев.

– Ну, может быть, тренировался, но уж не до грыжи, как ты, спортсмен.

– Борька, ты что – в самом деле считаешь, что я спортсмен? – сказал Кондратьев.

Панин посмотрел на него озадаченно.

– Видишь ли, – сказал он, – я же не говорю, что это плохо… Это, конечно, вещь в Пространстве полезная…

– Ладно, – сказал Кондратьев. – Пойдем в парк. Разомнемся.

Они пошли по коридору. Панин, не переставая массировать отеки под глазами, заглядывал в каждое окно.

– А девочки всё играют, – сказал он. Он остановился у окна и вытянул шею. – Ага. Вон она!

– Кто? – спросил Кондратьев.

– Не знаю, – сказал Панин.

– Не может быть, – сказал Кондратьев.

– Нет, правда, я танцевал с ней позавчера. Но как ее зовут – не знаю.

Сережа Кондратьев тоже поглядел в окно.

– Вон видишь, – сказал Панин, – с перевязанной коленкой.

Сережа увидел девушку с перевязанной коленкой.

– Вижу, – сказал он. – Пойдем.

– Очень хорошая девушка, – сказал Панин. – Очень. И умница.

– Пойдем, пойдем, – сказал Кондратьев. Он взял Панина под локоть и потащил за собой.

– Да куда ты торопишься? – удивился Панин.

Они прошли мимо пустых аудиторий и заглянули в тренажную. Тренажная была обставлена, как штурманская рубка настоящего фотонного планетолета, только над пультом управления вместо видеоэкрана был вмонтирован большой белый куб стохастической машины. Это был датчик космогационных задач. При включении он случайным образом подавал вводные на регистрирующие приборы пульта. Курсант должен был составить систему команд на управление, оптимально отвечавших условиям задачи.

Сейчас перед пультом толпилась целая куча явных мальков. Они переругивались, размахивая руками, и отпихивали друг друга. Потом вдруг стало тише, и было слышно, как сухо пощелкивают клавиши на пульте: кто-то набирал команду. В томительной тишине загудел вычислитель, и над пультом загорелась красная лампа – сигнал неверного решения. Мальки взревели. Кого-то стащили с кресла и выпихнули прочь. Он был взъерошен и громко кричал: «Я же говорил!»

– Почему ты такой потный? – презрительно спросил его Панин.

– Это я от злости, – сказал малек.

Вычислитель снова загудел, и снова над пультом загорелась красная лампа.

– Я же говорил! – завопил малек.

– А ну-ка, – сказал Панин и плечом вперед пошел через толпу.

Мальки притихли. Кондратьев увидел, как Панин нагнулся над пультом, потом быстро и уверенно затрещали клавиши, вычислитель зажужжал, и над пультом загорелась зеленая лампа. Мальки застонали.

– Ну так это Панин, – сказал кто-то.

– Это же Панин, – с упреком сказал Кондратьеву потный малек.

– Спокойной плазмы, – сказал Панин, выбираясь из толпы. – Валяйте дальше. Пойдем, Сергей Иваныч.

Затем они заглянули в вычислительную. Там шли занятия, а возле изящного серого корпуса ЛИАНТО сидели на корточках трое операторов и копались в схеме. Тут же сидел на корточках печальный староста второго курса Гриша Быстров.

– Привет от Лианта, – сказал Панин. – Быстров, оказывается, еще жив. Странно.

Он посмотрел на Кондратьева и хлопнул его ладонью по спине. По коридору пронеслось трескучее эхо.

– Перестань молчать, – сказал Панин.

– Не надо, Борька, – сказал Кондратьев.

Они спустились по лестнице, миновали вестибюль с большим бронзовым бюстом Циолковского и вышли в парк. У подъезда какой-то второкурсник поливал из шланга цветы на газонах. Проходя мимо него, Панин с неумеренной жестикуляцией продекламировал: «Без Копылова жизнь не та, люблю, привет от Лианта». Второкурсник смущенно заулыбался и поглядел на окна второго этажа.

Они пошли по узкой аллее, обсаженной кустами черемухи. Панин начал было громко петь, но из-за поворота навстречу вышла группа девушек в трусах и майках. Они возвращались с волейбольной площадки. Впереди с мячом под мышкой шла Катя. «Этого только не хватало, – подумал Кондратьев. – Сейчас она уставится на меня круглыми глазами. И начнет говорить взглядом». Он даже остановился на секунду. Ему ужасно захотелось перепрыгнуть через кусты черемухи и залезть куда-нибудь подальше. Он покосился на Панина. Панин приятно улыбнулся, расправил плечи и сказал бархатно:

– Здравствуйте, девушки!

Факультет Дистанционного Управления удостоил его белозубой улыбки. Катя смотрела только на Кондратьева. «О господи», – подумал он и сказал:

– Здравствуй, Катя.

– Здравствуй, Сережа, – сказала Катя, опустила голову и прошла.

Панин остановился.

– Ну что ты застрял? – сказал Кондратьев.

– Это она, – сказал Панин.

Кондратьев оглянулся. Катя стояла, поправляя растрепавшиеся волосы, и глядела на него. Ее правое колено было перевязано пыльным бинтом. Несколько секунд они глядели друг на друга; глаза у Кати стали совсем круглые. Кондратьев закусил губу, отвернулся и пошел, не дожидаясь Панина. Панин догнал его.

– Какие красивые глаза, – сказал он.

– Круглые, – сказал Кондратьев.

– Сам ты круглый, – сказал Панин сердито. – Она очень, очень славная девушка. Подожди, – сказал он. – Откуда она тебя знает?

Кондратьев не ответил, и Панин замолчал.

В центре парка была обширная лужайка, поросшая густой мягкой травой. Здесь обыкновенно зубрили перед теоретическими экзаменами, отдыхали после тренировок на перегрузки, а летними вечерами иногда приходили сюда целоваться. Сейчас здесь расположился пятый курс Штурманского факультета. Больше всего народа было под белым тентом, где играли в четырехмерные шахматы. Эту высокоинтеллектуальную игру, в которой доска и фигуры имели

четыре пространственных измерения и существовали только в воображении игроков, принес несколько лет назад в школу Жилин, тот самый, который работал сейчас бортинженером на трансмарсианском рейсовике «Тахмасиб». Старшекурсники очень любили эту игру, но играть в нее мог далеко не каждый. Зато болельщиком мог стать всякий, кому не лень. Орали болельщики на весь парк.

– Надо было ходить пешкой на е-один-дельта-аш…

– Тогда летит четвертый конь.

– Пусть. Пешки выходят в пространство слонов…

– Какое пространство слонов? Где ты взял пространство слонов?! Ты же девятый ход неверно записал!

– Слушайте, ребята, уведите Сашку и привяжите его к дереву! Пусть стоит.

Кто-то, должно быть один из игроков, возмущенно завопил:

– Да тише вы! Мешаете ведь!

– Пойдем посмотрим, – сказал Панин. Он был большим любителем четырехмерных шахмат.

– Не хочу, – сказал Кондратьев.

Он перешагнул через Гургенидзе, который лежал на Малышеве, завернув ему руку до самого затылка. Малышев еще барахтался, но все было ясно. Кондратьев отошел от них на несколько шагов и повалился на траву, потягиваясь всем телом. Было немного больно напрягать мускулы после перегрузок, но это было очень полезно, и Кондратьев сделал мостик, потом стойку, потом еще раз мостик и наконец улегся на спину и стал глядеть в небо. Панин уселся рядом и стал слушать вопли болельщиков, покусывая травинку.

«Может быть, пойти к Кану? – подумал Сережа. – Пойти к нему и сказать: „Товарищ Кан, что вы думаете о межзвездных перелетах?“ Нет, не так. „Товарищ Кан, я хочу завоевать Вселенную“. Фу ты, чепуха какая!» Сережа перевернулся на живот и подпер кулаками подбородок.

Гургенидзе и Малышев уже кончили бороться и подсели к Панину. Малышев отдышался и спросил:

– Что вчера было по ЭсВэ<ЭсВэ – стереовизор: телевизор со стереоэкраном.>?

– «Синие поля», – сказал Панин. – Транслировали из Аргентины.

– Ну и как? – спросил Гургенидзе.

– Могли бы и не транслировать, – сказал Панин.

– А, – сказал Малышев, – это где он все время роняет холодильник?

– Пылесос, – поправил Панин.

– Тогда я видел, – сказал Малышев. – Нет, почему же, фильм неплохой. Музыка хорошая. И гамма запахов хороша. Помнишь, когда они у моря?

– Может быть, – сказал Панин. – Только у меня смелфидер испорчен. Все время разит копченой рыбой. Это было особенно здорово, когда она там заходит в цветочный магазин и нюхает розы.

– Вах! – сказал Гургенидзе. – Почему ты не починишь, Борька?

Малышев задумчиво сказал:

– Было бы здорово разработать для кино методы передачи осязательных ощущений. Представляешь, Борька, на экране кто-то кого-то целует, а ты испытываешь удар по морде…

– Представляю, – сказал Панин. – У меня уже так было однажды. Без всякого кино.

«А потом бы я подобрал ребят, – думал Сережа. – Для этого дела уже сейчас можно подобрать подходящих ребят. Мамедов, Валька Петров, Сережка Завьялов с инженерного. Витька Брюшков с третьего курса переносит двенадцатикратные перегрузки. Ему даже тренироваться не надо: у него какое-то там особенное среднее ухо. Но он малек и еще ничего не понимает». Сережа вспомнил, как Брюшков, когда Панин спросил его, зачем ему это нужно, важно надулся

и сказал: «А ты попробуй, как я». «Малек, совершенно несъедобный, сырой малек. Да в общем-то все они спортсмены – и мальки, и выпускники. Вот разве Валя Петров…»

Сережа снова перевернулся на спину. «Валя Петров. „Труды Академии неклассических механик“, том седьмой. Ну, Валька Петров спит и ест с этой книгой. Но ведь и другие ее читают. Ее ведь постоянно читают! В библиотеке три экземпляра, и все замусолены, и не всегда их возьмешь. Значит, я не один? Значит, их тоже интересует „Поведение пи-квантов в ускорителях“ и они тоже делают выводы? Поймать Вальку Петрова, – подумал Сережа, – и поговорить…»

– Ну что ты на меня уставился? – сказал Панин. – Ребята, что он на меня уставился? Мне страшно!

Сережа заметил, что стоит на четвереньках и смотрит прямо в лицо Панина.

– Какой ракурс! – сказал Гургенидзе. – Я буду лепить с тебя «Задумчивость».

Сережа встал и оглядел лужайку. Петрова не было видно. Сережа лег и прижался щекой к траве.

– Сергей, – позвал Малышев. – А как ты все это прокомментируешь?

– Что именно? – спросил Сережа в траву.

– Национализацию «Юнайтед Рокет Констракшн».

– «Данную акцию мистера Гопкинса одобряю. Жду следующих в том же духе. Кондратьев», – сказал Сережа. – Телеграмму послать наложенным платежом, валютой через Советский Госбанк.

«В „Юнайтед Рокет“ хорошие инженеры. У нас тоже хорошие инженеры. Самое время сейчас им всем объединиться и строить прямоточники. Все дело сейчас за инженерами, а уж мы свое дело сделаем. Мы готовы». Сережа представил себе эскадры исполинских звездных кораблей на старте, а потом в Пространстве, у самого светового барьера, на десятикратных, на двадцатикратных перегрузках, пожирающих рассеянную материю, тонны межзвездной пыли и газа… Огромные ускорения, мощные поля искусственной гравитации… Специальная теория относительности уже не годится, она встает на голову. Десятки лет проходят в звездолете, и только месяцы на Земле. И пускай нет теории, зато есть пи-кванты в суперускорителях, пи-кванты, ускоренные на возлесветовых скоростях, пи-кванты, которые стареют в десять, в сто раз быстрее, чем им положено по классической теории. Обойти всю видимую Вселенную за десять-пятнадцать локальных лет и вернуться на Землю спустя год после старта… Преодолеть Пространство, разорвать цепи Времени, подарить своему поколению Чужие Миры, вот только скотина-врач запретил перегрузки на неопределенный срок, черт бы его подрал!..

– Вон он лежит, – сказал Панин. – Только он в депрессии.

– Он очень огорчен, – сказал Гургенидзе.

– Ему запретили тренироваться, – объяснил Панин.

Сережа поднял голову и увидел, что к ним подошла Таня Горбунова со второго курса факультета Дистанционного Управления.

– Ты правда в депрессии, Сережа? – спросила она.

– Да, – сказал Кондратьев. Он вспомнил, что Таня – Катина подруга, и ему стало совсем нехорошо.

– Садись с нами, Танечка, – сказал Малышев.

– Нет, – сказала Таня. – Мне надо с Сережей поговорить.

– А, – сказал Малышев.

Гургенидзе закричал:

– Ребята, пойдем разнимать болельщиков!

Они поднялись и ушли, а Таня села рядом с Кондратьевым. Она была худенькая, с веселыми глазами, и было просто удивительно приятно смотреть на нее, хотя она и была Катиной подругой.

– Ты почему сердишься на Катю? – спросила она.

– Я не сержусь, – угрюмо сказал Кондратьев.

– Не ври, – сказала Таня. – Сердишься.

Кондратьев помотал головой и стал смотреть в сторону.

– Значит, не любишь, – сказала Таня.

– Слушай, Танюшка, – сказал Кондратьев. – Ты любишь своего Малышева?

– Люблю.

– Ну вот. Вы поссорились, а я начинаю вас мирить.

– Значит, вы поссорились? – сказала Таня.

Кондратьев промолчал.

– Понимаешь, Сергей, если мы с Мишкой поссоримся, то мы обязательно помиримся. Сами. А ты…

– А мы не помиримся, – сказал Кондратьев.

– Значит, вы все-таки поссорились.

– Мы не помиримся, – раздельно сказал Кондратьев и поглядел прямо в Танины веселые глаза.

– А Катя и не знает, что вы поссорились. Она ничего не понимает, и мне ее просто жалко.

– Ну а мне-то что делать, Таня? – сказал Кондратьев. – Ты-то хоть меня пойми. Ведь у тебя тоже так случалось, наверное.

– Случилось однажды, – согласилась Таня. – Только я сразу ему сказала.

– Ну вот видишь! – сказал Сережа обрадованно. – А он что?

Таня пожала плечами.

– Не знаю, – сказала она. – Знаю только, что он не умер.

Она поднялась, отряхнула юбку и спросила:

– Тебе действительно запретили перегрузки?

– Запретили, – сказал Кондратьев, вставая. – Тебе хорошо, ты девушка, а вот как я скажу?

– Лучше сказать.

Она повернулась и пошла к любителям четырехмерных шахмат, где Мишка Малышев что-то орал про безмозглых кретинов. Кондратьев сказал вдогонку:

– Танюшка… (Она остановилась и оглянулась.) Я не знаю, может быть, это все пройдет… У меня голова сейчас совсем не тем забита.

Он знал, что это не пройдет. И он знал, что Таня это понимает. Таня улыбнулась и кивнула.

После всего, что случилось, есть Кондратьеву совсем не хотелось. Он нехотя обмакивал сухарики в крепкий сладкий чай и слушал, как Панин, Малышев и Гургенидзе обсуждают свое меню. Потом они принялись есть, и на несколько минут за столом воцарилось молчание. Стало слышно, как за соседним столиком кто-то утверждает:

– Писать, как Хемингуэй, сейчас уже нельзя. Писать надо кратко и давать максимум информации. У Хемингуэя нет четкости…

– И хорошо, что нет! Четкость – в политехнической энциклопедии…

– В энциклопедии? А ты возьми Строгова, «Дорога дорог». Читал?

– «Четкость, четкость»! – сказал какой-то бас. – Говоришь, сам не знаешь что…

Панин отложил вилку, поглядел на Малышева и сказал:

– А теперь расскажи про китовые внутренности.

До школы Малышев работал на китобойном комбинате.

– Погоди, погоди, – сказал Гургенидзе.

– Я вам лучше расскажу, как ловят каракатиц на Мяоледао, – предложил Малышев.

– Перестаньте! – раздраженно сказал Кондратьев.

Все посмотрели на него и замолчали. Потом Панин сказал:

– Ну нельзя же так, Сергей. Ну возьми себя в руки.

Гургенидзе встал и сказал:

– Так! Значит, пора выпить.

Он пошел к буфету, вернулся с графином томатного сока и возбужденно сообщил:

– Ребята, Фу Дат говорит, что семнадцатого Ляхов уходит в Первую Межзвездную!

Кондратьев сразу поднял голову:

– Точно?

– Семнадцатого, – повторил Гургенидзе. – На «Молнии».

Фотонный корабль «Хиус-Молния» был первым в мире пилотируемым прямоточником. Его строили два года, и уже три года испытывали лучшие межпланетники.

«Вот оно, началось!» – подумал Кондратьев и спросил:

– Дистанция не известна?

– Фу Дат говорит, полтора световых месяца.

– Товарищи межпланетники! – сказал Малышев. – По этому поводу надо выпить. – Он торжественно разлил томатный сок по стаканам. – Поднимем, – сказал он.

– Не забудь посолить, – сказал Панин.

Все четверо чокнулись и выпили. «Началось, началось», – думал Кондратьев.

– А я видел «Хиус-Молнию», – сказал Малышев. – В прошлом году, когда стажировался на «Звездочке». Этакая громадина.

– Диаметр зеркала семьсот метров, – сказал Гургенидзе. – Не так уж много. Зато раствор собирателя – ого! – шесть километров. А длина от кромки до кромки почти восемь километров.

«Масса – тысяча шестнадцать тонн, – машинально вспомнил Сережа. – Средняя тяга – восемнадцать мегазенгеров, рейсовая скорость – восемьдесят мегаметров в секунду, расчетный максимум перегрузки – шесть „же“… Мало… Расчетный максимум захвата – пятнадцать вар… Мало, мало…»

– Штурманы, – мечтательно сказал Малышев. – А ведь это наш корабль. Мы же будем летать на таких.

– Оверсаном Земля – Плутон! – сказал Гургенидзе.

Кто-то в другом конце зала крикнул звонким тенором:

– Товарищи! Слыхали? Семнадцатого «Молния» уходит в Первую Межзвездную!

Зал зашумел. Из-за соседнего столика встали трое с Командирского факультета и торопливо пошли на голос.

– Асы пошли на пеленг, – сказал Малышев, провожая их глазами.

– Я человек простой, простодушный, – сказал вдруг Панин, наливая в стакан томатный сок. – И вот чего я все-таки не могу понять. Ну к чему нам эти звезды?

– Что значит – к чему? – удивился Гургенидзе.

– Ну Луна – это стартовая площадка и обсерватория. Венера – это актиниды. Марс – фиолетовая капуста, генерация атмосферы, колонизация. Прелестно. А звезды?

– То есть, – сказал Малышев, – тебе не понятно, зачем Ляхов уходит в Межзвездную?

– Урод, – сказал Гургенидзе. – Жертва мутаций.

– Вот послушайте, – сказал Панин. – Я давно уже думаю об этом. Вот мы – звездолетчики, и мы уходим к UV Кита. Два парсека с половиной.

– Два и четыре десятых, – сказал Кондратьев, глядя в стакан.

– Летим, – продолжал Панин. – Долго летим. Пусть там даже есть планеты. Высаживаемся, исследуем, трали-вали семь пружин, как говорит мой дед.

– Мой дед-эстет, – вставил Гургенидзе.

– Потом мы долго летим назад. Мы старые и закоченевшие, и все перессорились. Во всяком случае, Сережка ни с кем не разговаривает. И нам уже под шестьдесят. А на Земле тем временем, спасибо Эйнштейну, прошло сто пятьдесят лет. Нас встречают какие-то очень моложавые граждане. Сначала все очень хорошо: музыка, цветочки и шашлыки. Но потом я хочу поехать в мою Вологду. И тут оказывается, что там не живут. Там, видите ли, музей.

– Город-музей имени Бориса Панина, – сказал Малышев. – Сплошь мемориальные доски.

– Да, – продолжал Панин. – Сплошь. В общем, жить в Вологде нельзя, зато – вам нравится это «зато»? – там сооружен памятник. Памятник мне. Я смотрю на самого себя и осведомляюсь, почему у меня рога. Ответа я не понимаю. Ясно только, что это не рога. Мне объясняют, что полтораста лет назад я носил такой шлем. «Нет, – говорю я, – не было у меня такого шлема». – «Ах как интересно! – говорит смотритель города-музея и начинает записывать. – Это, – говорит он, – надо немедленно сообщить в Центральное бюро Вечной Памяти». При словах «Вечная Память» у меня возникают нехорошие ассоциации. Но объяснить этого смотрителю я не в состоянии.

– Понесло, – сказал Малышев. – Ближе к делу.

– В общем, я начинаю понимать, что попал опять-таки в чужой мир. Мы докладываем результаты нашего перелета, но их встречают как-то странно. Эти результаты, видите ли, представляют узкоисторический интерес. Все это уже известно лет пятьдесят, потому что на UV Кита – мы, кажется, туда летали? – люди побывали после нас уже двадцать раз. И вообще, построили там три искусственные планеты размером с Землю. Они делают такие перелеты за два месяца, потому что, видите ли, обнаружили некое свойство пространства – времени, которого мы не понимаем и которое они называют, скажем, тирьямпампацией. В заключение нам показывают фильм «Новости дня», посвященный водружению нашего корабля в Археологический музей. Мы смотрим, слушаем…

– Как тебя несет, – сказал Малышев.

– Я человек простодушный, – угрожающе сказал Панин. – У меня фантазия разыгралась…

– Ты нехорошо говоришь, – сказал Кондратьев тихо.

Панин сразу посерьезнел.

– Так, – сказал он тоже тихо. – Тогда скажи, в чем я не прав. Тогда скажи все-таки, зачем нам звезды.

– Постойте, – сказал Малышев. – Здесь два вопроса. Первый – какая польза от звезд?

– Да, какая? – спросил Панин.

– Второй вопрос: если польза даже есть, можно ли принести ее своему поколению? Так, Борька?

– Так, – сказал Панин. Он больше не улыбался и смотрел в упор на Кондратьева. Кондратьев молчал.

– Отвечаю на первый вопрос, – сказал Малышев. – Ты хочешь знать, что делается в системе UV Кита?

– Ну, хочу, – сказал Панин. – Мало ли что я хочу.

– А я очень хочу. И если буду хотеть всю жизнь, и если буду стараться узнать, то перед кончиной своей – надеюсь, безвременной, – возблагодарю бога, которого нет, что он создал звезды и тем самым наполнил мою жизнь.

– Ах! – сказал Гургенидзе. – Как красиво!

– Понимаешь, Борис, – сказал Малышев. – Человек!

– Ну и что? – спросил Панин, багровея.

– Все, – сказал Малышев. – Сначала он говорит: «Хочу есть». Тогда он еще не человек. А потом он говорит: «Хочу знать». Вот тогда он уже Человек. Ты чувствуешь, который из них с большой буквы?

– Этот ваш Человек, – сердито сказал Панин, – еще не знает толком, что у него под ногами, а уже хватается за звезды.

– На то он и Человек, – ответил Малышев. – Он таков. Смотри, Борис, не лезь против законов природы. Это от нас не зависит. Есть закон: стремление познавать, чтобы жить, неминуемо превращается в стремление жить, чтобы познавать. Неминуемо! Познавать ли звезды, познавать ли детские души…

– Хорошо, – сказал Панин. – Пойду в учителя. Детские души я буду познавать для всех. А вот для кого ты будешь познавать звезды?

– Это второй вопрос, – начал Малышев, но тут Гургенидзе вскочил и заорал, сверкая белками:

– Ты хочешь ждать, пока изобретут твою тирьямпампацию? Жди! Я не хочу ждать! Я полечу к звездам!

– Вах, – сказал Панин. – Потухни, Лева.

– Да ты не бойся, Боря, – сказал Кондратьев, не поднимая глаз. – Тебя не пошлют в звездную.

– Почему это? – осведомился Панин.

– А кому ты нужен? – закричал Гургенидзе. – Сиди на лунной трассе!

– Пожалеют твою молодость, – сказал Кондратьев. – А для кого мы будем познавать звезды… Для себя, для всех. Для тебя тоже. А ты познавать не будешь. Ты будешь узнавать. Из газет. Ты ведь боишься перегрузок.

– Ну-ну, ребята, – встревоженно сказал Малышев. – Спор чисто теоретический.

Но Сережа чувствовал, что еще немного – и он наговорит грубостей и начнет доказывать, что он не спортсмен. Он встал и быстро пошел из кафе.

– Получил? – сказал Гургенидзе Панину.

– Ну, – сказал Панин, – чтобы в такой обстановке остаться человеком, надо озвереть.

Он схватил Гургенидзе за шею и согнул его пополам. В кафе уже никого не было, только у стойки чокались томатным соком трое асов с Командирского факультета. Они пили за Ляхова, за Первую Межзвездную.

…Сережа Кондратьев пошел прямо к видеофону. «Сначала надо все привести в порядок, – думал он. – Сначала Катя. Ах как некрасиво все получилось! Бедная Катя. Собственно, и я тоже бедный».

Он снял трубку и остановился, вспоминая номер Катиной комнаты. И вдруг набрал номер комнаты Вали Петрова. Он до последней секунды думал о том, что надо немедленно поговорить с Катей, и потому некоторое время молчал, глядя на худое лицо Петрова, появившееся на экране. Петров тоже молчал, удивленно вздернув реденькие брови. Сережа сказал:

– Ты не занят?

– Сейчас не особенно, – сказал Валя.

– Есть разговор. Я приду к тебе сейчас.

– Тебе нужен седьмой том? – сказал Валя, прищурясь. – Приходи. Я позову еще кое-кого. Может быть, пригласить Кана?

– Нет, – сказал Кондратьев. – Еще рано. Сначала сами.

Глава вторая
ВОЗВРАЩЕНИЕ

ПЕРЕСТАРОК

Когда помощник вернулся, диспетчер по-прежнему стоял перед экраном, нагнув голову, засунув руки в карманы чуть ли не по локоть. В глубине экрана, расчерченного координатной сеткой, медленно ползла яркая белая точка.

– Где он сейчас? – спросил помощник.

Диспетчер не обернулся.

– Над Африкой, – сказал он сквозь зубы. – Девять мегаметров.

– Девять… – сказал помощник. – А скорость?

– Почти круговая. – Диспетчер обернулся. – Ну что ты мнешься? Ну что там еще?

– Ты, пожалуйста, успокойся, – сказал помощник. – Что уж тут сделаешь… Он задел Главное Зеркало.

Диспетчер шумно выдохнул воздух и, не вынимая рук из карманов, присел на ручку кресла.

– Сумасшедший, – пробормотал он.

– Ну зачем же ты так? – сказал помощник неуверенно. – Что-нибудь случилось… Неисправное управление…

Они помолчали. Белая точка ползла и ползла, пересекая экран наискосок.

Диспетчер сказал:

– Как он смел войти в зону станций с неисправным управлением? И почему он не дает позывные?

– Он подает что-то…

– Это не позывные. Это абракадабра.

– Это все-таки позывные, – тихонько сказал помощник. – Все-таки вполне определенная частота…

– «Частота, частота…» – сказал диспетчер сквозь зубы.

Помощник нагнулся к экрану, близоруко вглядываясь в цифры координатной сетки. Потом он поглядел на часы и сказал:

– Сейчас он пройдет станцию Гамма. Посмотрим, кто это.

Диспетчер угрюмо нахохлился. «Что можно сделать еще, – думал он. – По-моему, все сделано. Остановлены все полеты. Запрещены все финиши. Объявлена тревога на всех возлеземных станциях. Турнен готовит аварийные роботы…»

Диспетчер нашарил на груди микрофон и сказал:

– Турнен, что роботы?

Турнен не спеша отозвался:

– Я рассчитываю выпустить роботов через пять-шесть минут. Когда они отстартуют, я вам дополнительно сообщу.

– Турнен, – сказал диспетчер. – Я тебя прошу: не копайся, пожалуйста, поторопись.

– Я никогда не копаюсь, – ответил Турнен с достоинством. – Но и торопиться напрасно не следует. Я не задержу старт ни на одну лишнюю секунду.

– Пожалуйста, Турнен, – сказал диспетчер. – Пожалуйста.

– Станция Гамма, – сказал помощник. – Даю максимальное увеличение.

Экран мигнул, координатная сетка исчезла. В черной пустоте возникла странная конструкция, похожая на перекошенную садовую беседку с нелепо массивными колоннами. Диспетчер протяжно свистнул и вскочил. Этого он ожидал меньше всего.

– Ядерная ракета! – воскликнул он с изумлением. – Что такое? Откуда?

– Да-да, – нерешительно проговорил помощник. – Действительно… Непонятно…

Диковинная конструкция с торчащими из-под купола пятью толстыми трубами-колоннами медленно поворачивалась. Под куполом дрожало лиловое сияние, – колонны казались черными на его фоне. Диспетчер медленно опустился на подлокотник кресла. Конечно, это была ядерная ракета. Точнее, ядерный планетолет. Фотонный привод, двуслойный параболический отражатель из мезовещества, водородные двигатели. Полтора столетия назад было много таких планетолетов. Их строили для освоения планет. Солидные, неторопливые машины с пятикратным запасом прочности. Они долго и хорошо служили, но последние из них были демонтированы давно, давным-давно…

– Действительно… – бормотал помощник. – Изумительно… Где это я такое видел?.. Оранжереи! – закричал он.

Через экран слева направо быстро прошла широкая серая тень.

– Оранжереи, – прошептал помощник.

Диспетчер зажмурился. «Тысяча тонн, – подумал он. – Тысяча тонн и такая скорость… Вдребезги… В пыль… Роботы! Где же роботы?..»

Помощник сказал хрипло:

– Прошел… Неужели прошел?.. Прошел!

Диспетчер открыл глаза.

– Где роботы? – заорал он.

У стены на пульте селектора вспыхнула зеленая лампочка, и спокойный мужественный голос произнес:

– Здесь Д-П. Капитан Келлог вызывает Главную Диспетчерскую. Прошу финиша на базе Пи-Экс Семнадцать…

Диспетчер, налившись краской, открыл было рот, но не успел. В зале загремело сразу несколько голосов:

– Назад!

– Д-П, финиш воспрещен!

– Капитан Келлог, назад!

– Главная Диспетчерская капитану Келлогу. Немедленно выйти на любую орбиту четвертой зоны. Не финишировать. Не приближаться. Ждать.

– Слушаюсь, – растерянно отозвался капитан Келлог. – Выйти в четвертую зону и ждать.

Диспетчер, спохватившись, закрыл рот. Было слышно, как в селекторе женский голос убеждал кого-то: «Объясните же ему, в чем дело… Объясните же…» Затем зеленая лампочка на пульте селектора потухла, и все смолкло.

Изображение на экране померкло. Снова появилась координатная сетка, и снова в глубине экрана поползла яркая мерцающая искра.

Раздался голос Турнена:

– Аварийный дежурный диспетчеру. Могу сообщить, что роботы уже стартовали.

В ту же секунду в правом нижнем углу экрана появились еще две светлые точки. Диспетчер нервно-зябко потер ладони.

– Спасибо, Турнен, – пробормотал он. – Спасибо, милый…

Две светлые точки – аварийные роботы – ползли по экрану. Расстояние между ними и ядерным кораблем постепенно уменьшалось.

Диспетчер смотрел на ползущую между четкими линиями мерцающую точку и думал, что этот перестарок вот-вот войдет во вторую зону, где густо расположены космические ангары

и заправочные станции; что на одной из этих станций работает дочь; что зеркало Главного рефлектора внеземной обсерватории разбито; что этот корабль движется словно вслепую и сигналов он то ли не слышит, то ли не понимает; что каждую секунду он рискует погибнуть, врезавшись в одну из многочисленных тяжелых конструкций или попав в стартовую зону Д-космолетов. Он думал, что остановить слепое и бессмысленное движение этого корабля будет очень трудно, потому что он дико и беспорядочно меняет скорость и роботы могут протаранить его, хотя роботами управляет, наверное, сам Турнен…

– Станция Дельта, – сказал помощник. – Даю максимальное увеличение.

Снова на черном экране появилось изображение неуклюжей громады. Вспышки пламени под куполом стали неровными, неритмичными, и казалось, что это чудовище судорожно перебирает толстыми черными ногами. Рядом возникли смутные очертания аварийных роботов. Роботы приближались осторожно, отскакивая при каждом рывке ядерной ракеты.

Диспетчер и помощник глядели во все глаза. Диспетчер, вытянув шею до отказа, шипел: «Ну, Турнен… Ну… Ну, голубчик… Ну…»

Роботы задвигались быстро и уверенно. Титановые щупальца с двух сторон потянулись к ядерной ракете и вцепились в растопыренные столбы-колонны. Одно из щупалец промахнулось, попало под купол и разлетелось в пыль под ударом плазмы. («Ай!» – шепотом сказал помощник.) Откуда-то сверху свалился третий робот и впился в купол магнитными присосками. Ядерная ракета медленно пошла вниз. Мерцающее сияние под ее куполом погасло.

– Ф-фу… – пробормотал диспетчер и вытер лицо рукавом.

Помощник нервно засмеялся.

– Как кальмары кита, – сказал он. – И куда же его теперь?

Диспетчер спросил в микрофон:

– Турнен, куда ты его ведешь?

– Я веду его на наш ракетодром, – сказал Турнен не спеша. Он слегка задыхался.

Диспетчер вдруг ясно представил себе его круглое, лоснящееся от пота лицо, освещенное экраном.

– Спасибо, Турнен, – сказал он с нежностью. Он повернулся к помощнику. – Дай отбой тревоги. Выправи график, и пусть возобновляют работу.

– А ты? – жалобно спросил помощник.

– Я лечу туда.

Помощнику тоже хотелось туда, но он только сказал:

– Интересно, из Музея космогации ничего не пропало?

Дело близилось к более или менее благополучному концу, и он был теперь настроен довольно благодушно.

– Ну и вахта, – сказал он. – До сих пор поджилки трясутся.

Диспетчер пощелкал клавишами, и на экране открылась холмистая равнина. Ветер гнал по небу белые рваные облака, рябил темные лужицы между кочками, поросшими чахлой растительностью. В маленьком озерце барахтались утки. «Давно здесь не опускались звездолеты», – подумал помощник.

– Хотел бы я все-таки знать, кто это, – сказал диспетчер сквозь зубы.

– Скоро узнаешь, – с завистью сказал помощник.

Утки неожиданно поднялись и редкой стайкой помчались прочь, изо всех сил размахивая крыльями. Облака закрутились воронкой, смерч воды и пара поднялся из центра равнины. Исчезли холмы, исчезло озерцо, понеслись в облаках бешеного тумана вырванные с корнем чахлые кустики. Что-то огромное и темное мелькнуло на мгновение в клубящейся мгле, что-то вспыхнуло алым заревом, и видно было, как холм на переднем плане задрожал, вспучился и медленно перевернулся, как слой дерна под лемехом мощного плуга.

– Ай-яй-яй! – проговорил помощник, не сводя глаз с экрана. Но он уже не видел ничего, кроме быстро проплывающих белых и серых облаков пара.

Когда вертолет опустился в сотне метров от края исполинской воронки, пар уже успел рассеяться. В центре воронки лежал на боку ядерный корабль, толстые тумбы реакторных колец его глупо и беспомощно торчали в воздухе. Рядом лежали, зарывшись наполовину в горячую жидкую грязь, вороненые туши аварийных роботов. Один из них медленно втягивал под панцирь свои механические лапы.

Над воронкой дрожал горячий воздух.

– Нехорошо, – пробормотал кто-то, пока они выбирались из вертолета.

Над головами мягко прошуршали винты – еще несколько вертолетов пронеслись в воздухе и сели неподалеку.

– Пошли, – сказал диспетчер, и все потянулись за ним.

Они спустились в воронку. Ноги по щиколотку уходили в горячую жижу. Они не сразу увидели человека, а когда увидели, то разом остановились.

Он лежал ничком, раскинув руки, уткнув лицо в мокрую землю, прижимаясь к ней всем телом и дрожа, как от сильного холода. На нем был странный костюм, измятый и словно изжеванный, непривычного вида и расцветки, и сам человек был рыжий, ярко-рыжий, и он не слышал их шагов. А когда к нему подбежали, он поднял голову, и все увидели его лицо, бело-голубое и грязное, пересеченное через губы незажившим шрамом. Кажется, этот человек плакал, потому что его синие запавшие глаза блестели, и в этих глазах были сумасшедшая радость и страдание. Его подняли, подхватив под руки, и тогда он заговорил.

– Доктора, – сказал он глухо и невнятно: ему мешал шрам, пересекающий губы.

И сначала никто не понял его, никто не понял, какого доктора ему нужно, и только через несколько секунд все поняли, что он просил врача.

– Доктора, скорее. Сереже Кондратьеву очень плохо…

Он переводил расширенные глаза с одного лица на другое и вдруг улыбнулся:

– Здравствуйте, праправнуки…

От улыбки затянувшийся шрам открылся, и на губах повисли густые красные капли, и все подумали, что этот человек улыбался в последний раз очень давно. В воронку торопливо спускались люди в белых халатах.

– Доктора, – повторил рыжий и обвис, запрокинув бело-голубое грязное лицо.

ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ

Четверка обитателей 18-й комнаты была широко известна в пределах Аньюдинской школы. Это было вполне естественно. Такие таланты, как совершенное искусство подражать вою гигантского ракопаука с планеты Пандора, способность непринужденно рассуждать о девяти способах экономии горючего при межзвездном перелете и умение одиннадцать раз подряд присесть на одной ноге, не могли остаться незамеченными, а все эти таланты не были чужды обитателям 18-й.

История 18-й началась еще тогда, когда их было всего трое и у них не было еще ни отдельной комнаты, ни своего учителя. Но уже тогда Генка Комов, известный более под именем «Капитан», пользовался неограниченным авторитетом у Поля Гнедых и Александра Костылина. Поль Гнедых – он же Полли или даже Либер Полли – был известен как большой личной хитрости человек, способный на все. Александр Костылин был, несомненно, добродушен и стяжал себе славу в битвах, связанных с применением не столько ума, сколько физической силы. Он терпеть не мог, когда его звали попросту Костылём (и не скрывал этого), но охотно отзывался на кличку «Лин». Генка Капитан, в совершенстве изучивший популярную книгу «Трасса в Пространстве», знал много разных полезных вещей, был, судя по всему, способен без труда починить фотонный отражатель, не меняя курса космолета, и неутомимо вел Лина и Полли к славе. Так, например, широкую известность получили испытания нового вида топлива для ракет, проведенные под его руководством в школьном парке. Фонтан густого дыма взлетел выше самых высоких деревьев, а грохот взрыва могли слышать все, кто находился в этот момент на территории школы. Это был незабвенный подвиг, и долго еще после этого Лин щеголял длинным шрамом на спине и везде ходил голый по пояс, так что шрам был открыт взорам завистников. Именно эта тройка возродила древние игры африканских племен – прыжки с деревьев на длинных веревках, заменяющих (как показал опыт – недостаточно) лианы. Они же ввели в употребление сварку пластиков, из которых была сделана одежда, и неоднократно использовали это умение для обуздания невыносимой гордости старших товарищей, которым было разрешено плавание в масках и даже с аквалангами. Однако все эти подвиги хотя и покрывали их славой, но не приносили желанного удовлетворения, и тогда Капитан решил принять участие в работе кружка юных космонавтов, открывавшей блестящие перспективы кручения на перегрузочной центрифуге и возможность добраться наконец до таинственного датчика космогационных задач.

С огромным изумлением Капитан обнаружил в кружке своего сверстника – Михаила Сидорова, по ряду причин именуемого также Атосом. Атос казался Капитану человеком надменным и пустоголовым, но первая же серьезная беседа с ним показала, что он, несомненно, по своим качествам превосходит некоего Вальтера Сароняна, находившегося тогда с тройкой в полуприятельских отношениях и занимавшего четвертую койку в только что выделенной 18-й комнате.

Исторический разговор выглядел примерно так. «Что ты думаешь о ядерном приводе?» – осведомился Генка. «Старьё», – кратко ответствовал Атос. «Согласен, – сказал Капитан и посмотрел на Атоса с интересом. – А фотонно-аннигиляционный?» – «Так себе», – сказал Атос, грустно покачав головой. Тогда Генка задал ему свой коронный вопрос: какие системы представляются более обещающими – гравигенные или гравизащитные? «Я признаю только Д-принцип», – высокомерно объявил Атос. «Гм, – сказал Генка. – Ладно, пойдем в восемнадцатую, я познакомлю тебя с экипажем». – «Это с твоими-то ослами?» – поморщился Атос-Сидоров, но пошел.

Через неделю, не вынеся угроз и насилия, из 18-й с разрешения учителя бежал Вальтер Саронян, и на его место водворился Атос. После этого Д-принцип и идея межгалактических

перелетов воцарились в умах и сердцах 18-й прочно и, казалось, навсегда. Так возник экипаж суперкосмолета «Галактион» в составе: Генка – капитан, Атос-Сидоров – штурман и кибернетист, Либер Полли – ВМ-оператор, Сашка Лин – бортинженер и охотник. Экипаж исходил светлыми надеждами и чрезвычайно конкретными планами. Были созданы генеральные проекты суперкосмолета «Галактион», разработан устав и принят совершенно секретный знак, по которому члены экипажа должны были узнавать друг друга, – особым образом сложенные пальцы на правой руке. Угроза близкого и неминуемого вторжения нависла над туманностями Андромеды, Месье-33 и другими. Так прошел год.

Первый удар нанес Лин, бортинженер и охотник. Со свойственным ему легкомыслием он спросил у отца, прилетевшего в отпуск с внеземного завода безгравитационного литья, с каких лет принимают в космолетчики. Ответ был столь ужасен, что 18-я отказалась ему поверить. Хитроумный Полли подговорил своего младшего брата-малька задать этот же вопрос кому-нибудь из учителей. Ответ был тот же. Покорение галактик откладывалось на практически бесконечный срок – лет на десять. Наступила короткая эпоха смятений, ибо новость сводила к нулю тщательно разработанный проект «Цветущая сирень», согласно которому 18-я в полном составе должна была тайно погрузиться на борт межпланетного танкера, идущего на Плутон. Капитан рассчитывал объявиться через неделю после старта и автоматически слить свой экипаж с экипажем танкера.

Следующий удар был менее неожиданным, но зато гораздо более тяжелым. Именно в эту эпоху смятений экипаж «Галактиона» вдруг как-то сразу осознал – узнал он об этом гораздо раньше, – что в мире наибольшим почетом пользуются, как это ни странно, не космолетчики, не глубоководники и даже не таинственные покорители чудовищ – зоопсихологи, а врачи и учителя. В частности, выяснилось, что в Мировом Совете – шестьдесят процентов учителей и врачей. Что учителей все время не хватает, а космолетчиками хоть пруд пруди. Что, не будь врачей, плохо бы пришлось глубоководникам, а отнюдь не наоборот. Все эти, а также и многие другие того же рода разрушительные сведения были доведены до сознания экипажа ужасающе будничным образом: на самом обыкновенном телевизионном уроке по экономике и, что самое страшное, ни в малейшей степени не были опровергнуты учителем.

Третий и окончательный удар нанесли сомнения. Бортинженер Лин был пойман Капитаном за чтением «Курса простудных заболеваний в детском возрасте» и в ответ на резкий выпад нахально заявил, что намерен впредь приносить людям конкретную пользу, а не сомнительные сведения из жизни космических пространств. Капитан и штурман были вынуждены применить крайние меры убеждения, под давлением которых отступник признал, что детский врач из него все равно не получится, тогда как в качестве бортинженера или, на худой конец, охотника у него еще есть шансы стяжать себе бессмертную славу. На протяжении экзекуции хитроумный Либер Полли сидел в углу и молчал, но с той поры взял за правило при малейшем нажиме шантажировать экипаж бессвязно-язвительными угрозами типа «сбегу в ларингологи» или «пусть учитель скажет, кто прав». Сашка Лин, слушая это, завистливо сопел. Сомнения разъедали экипаж «Галактиона». Сомнения грызли душу Капитана.

Помощь пришла из Большого Мира. Группа ученых, работавших на Венере, закончила и предложила на рассмотрение Мирового Совета практический проект дистилляции атмосферного покрова Венеры с целью ее дальнейшей колонизации. Мировой Совет рассмотрел проект и одобрил его. Очередь была за пустынями Венеры, за большой страшной планетой, которую надо было сделать Второй Землей. Мир взрослых взялся за дело – строились новые машины, аккумулировались мощности, население Венеры стремительно росло. А в 18-й комнате Аньюдинской школы под любопытствующими взорами экипажа капитан «Галактиона» лихорадочно работал над проектом плана «Октябрь», сулящего невиданный размах идей и выход из тяжелого кризиса.

Проект был закончен через три часа после опубликования призыва Мирового Совета и представлен на рассмотрение экипажа. План «Октябрь» поражал краткостью и насыщенностью информацией:

1) за четыре декады изучить производственно-технические данные стандартных атмосферогенных агрегатов;

2) по истечении указанного срока ранним утром – чтобы не беспокоить дежурного по школе – покинуть школу и добраться до Аньюдинской ракетной станции, где в неизбежной сумятице при посадке проникнуть в грузовой трюм какого-нибудь корабля возлеземных сообщений и затаиться до финиша;

3) там видно будет.

План был встречен возгласами «Виу-вирулли!» и одобрен тремя голосами при одном воздержавшемся. Воздержавшимся был благородный Атос-Сидоров. Глядя на далекий горизонт, он с необыкновенным презрением отозвался о «поганых агрегатах» и о «бредовой затее» и сказал, что только чувства товарищества и взаимопомощи удерживают его от резкой критики плана. Однако он готов не возражать и даже берется обдумать некоторые аспекты ухода, что никак, впрочем, не следует понимать как согласие на отказ от Д-принципа ради каких-то зловонных дистилляторов. Капитан промолчал и отдал приказ приниматься за дело. Экипаж принялся за дело.

…В 18-й комнате Аньюдинской школы шел урок географии. В экране учебного стереовизора полыхала молниями палящая туча над Парикутином, мелькали свистящие лапилли, и из кратера высовывался красный язык лавового потока, похожий на наконечник стрелы. Речь шла о науке вулканологии, о вулканах вообще и непокоренных вулканах в частности. Среди серых нагромождений застывшей неведомо когда магмы белели аккуратные купола вулканологической станции Чипо-Чипо.

Перед стереовизором сидел Сашка Лин и, не сводя глаз с экрана, лихорадочно объедал ногти на правой и на левой руке попеременно. Он опоздал. Утро и половину дня он провел на спортплощадке, проверяя высказанное вчера учителем предположение, что максимальная высота прыжка должна относиться к максимальной длине прыжка приблизительно как единица к четырем. Лин прыгал и в длину, и в высоту до тех пор, пока не потемнело в глазах. Тогда он вынудил заняться этим делом нескольких малышей и загонял их совершенно, но полученный материал показывал, что предположение учителя близко к истине. Теперь Лин наверстывал упущенное и смотрел те уроки, которые экипаж уже выучил утром.

Генка Капитан за своим столом у передней прозрачной стены комнаты сосредоточенно копировал чертеж двухфазной кислородной установки средней мощности. Либер Полли лежал на своей кровати (что делать днем не рекомендовалось), притворяясь, что читает пухлую книгу в унылой обложке: «Введение в эксплуатацию атмосферогенных агрегатов». Штурман Атос-Сидоров стоял у своего стола и думал. Это было его любимое занятие. Одновременно он с брезгливым интересом наблюдал за инстинктивными действиями Лина, поглощенного географией.

За прозрачной стеной под ласковым солнцем желтел песок и шумели стройные сосны. Над озером торчала вышка для прыжков с длинным гибким трамплином.

Голос преподавателя принялся рассказывать, как был погашен вулкан Стромболи, и Сашка Лин забылся совершенно. Теперь он объедал ногти на обеих руках одновременно. Благородные нервы Атоса не выдержали.

– Лин, – сказал он, – перестань глодать.

Лин, не оборачиваясь, досадливо передернул плечами.

– Он голоден! – оживившись, заявил Поль.

Он поднялся на кровати, чтобы развить тему, но тут Капитан медленно повернул лобастую голову и посмотрел на него.

– Ну чего, чего… – сказал Поль. – Я же читаю. «Производительность АГК-11 составляет шестнадцать кубометров озонированного кислорода в час. Метод стра-ти-фи-кации позволяет…»

– Про себя! – посоветовал Атос.

– Вот уж тебе он, по-моему, не мешает, – сказал Капитан железным голосом.

– По-твоему – нет, а по-моему – да, – сказал Атос-Сидоров.

Взгляды их скрестились. Поль с наслаждением наблюдал за развитием инцидента. «Введение в…» надоело ему до последней степени.

– Как хочешь, – сказал Капитан. – Только я не собираюсь один за всех вас работать. А ты, Атос, ничего не делаешь. И вообще пользы от тебя, как от козла.

Штурман презрительно усмехнулся и не счел необходимым отвечать. В этот момент экран погас, и Лин повернулся, затрещав стулом.

– Ребята! – сказал он. – Виу, ребята! Поехали туда.

– Поехали! – вскричал Поль и вскочил.

– Куда – туда? – спросил Капитан зловеще.

– На Парикутин! На Мон-Пеле! На…

– Хватит! – заорал Капитан. – Все вы подлые предатели! Мне с вами надоело возиться! Я ухожу один, а вы убирайтесь, куда вам охота. Понятно?

– Фи, Капитан! – произнес Атос с изяществом.

– Сам ты фи, понял? Одобряли план, вопили «виу-виу», а теперь кто куда? А мне с вами вообще надоело возиться. Я уж лучше договорюсь с Наташкой или с этим болваном Вальтером, понятно? А вы все катитесь колбасой. Чихал я на вас, и все!..

Капитан повернулся спиной и стал яростно копировать чертеж. Наступило тяжелое молчание. Полли тихонько улегся и принялся старательно изучать «Введение в…». Атос поджал губы, а тяжеловесный Лин поднялся и, сунув руки в карманы, прошелся по комнате.

– Генка, – сказал он нерешительно. – Капитан, ты… это… брось. Чего ты?

– Отправляйтесь на свой Мон-Пеле, – пробормотал Капитан. – На свой Парикутин. Обойдемся…

– Капитан… Как же это?.. Вальтеру нельзя рассказывать, Генка!

– Очень даже можно… И скажу. Пусть он болван, да хоть не предатель…

Не вынимая рук из карманов, Лин пробежался по комнате.

– Ну чего ты, Капитан? Ну вот, Полли уже зубрит!

– «Полли, Полли»! Хвастун твой Полли. А на Атоса я вообще чихал. Подумаешь, штурман «Галактиона»! Трепло.

Лин обратился к Атосу:

– Ты правда, Атос, чего-то… Нехорошо, знаешь… Мы все стараемся…

Атос изучал лесистый горизонт.

– Чего вы все раскудахтались? – вежливо осведомился он. – Если я сказал – иду, значит я иду. Я, по-моему, еще никогда и никому не врал. И еще никого не предавал.

– Это ты брось, – грозно сказал Лин. – Капитан говорит верно. Ты бездельничаешь, и это, знаешь, свинство…

Атос повернулся и прищурился.

– А ну-ка, ты, деляга, – сказал он. – Почему «Зубр» хуже АГК-7 в условиях азотистого избытка?

– А? – растерянно сказал Лин и посмотрел на Капитана.

Капитан чуть поднял голову.

– А какие есть девять пунктов про эксплуатацию «Айрон-Три»? – спрашивал Атос. – А кто первый изобрел окситан? Не знаешь, трудяга! А в каком году? Тоже не знаешь?

Это был Атос – великий человек, несмотря на многочисленные свои недостатки. В комнате стояла благоговейная тишина, только Поль Гнедых яростно листал страницы «Введения».

– Мало ли кто чего изобрел первый, – неубедительно пробормотал Лин и беспомощно уставился на Капитана.

Капитан встал. Капитан подошел к Атосу и ткнул его кулаком в живот.

– Молодчага, Атос, – заявил он. – Я, дурак, думал, что ты бездельничаешь.

– «Бездельничаешь»!..– сказал Атос и ткнул Капитана в бок. Он принимал извинение.

– Виу, ребята! – провозгласил Капитан. – Держать курс на Атоса! Фидеры на цикл, звездолетчики! Бойтесь легенных ускорений. Берегите отражатель. Пыль сносит влево. Виу!

– Виу-вирулли! – взревел экипаж «Галактиона».

Капитан повернулся к Лину.

– Бортинженер Лин, – сказал он, – какие есть вопросы по географии?

– Нету, – отрапортовал бортинженер.

– Что у нас еще сегодня?

– Алгебра и труд, – сказал Атос.

– Вер-рно! Поэтому начнем с борьбы. Первая пара будет Атос – Лин. А ты, Полли, иди приседай, у тебя ноги слабые.

Атос принялся готовиться к борьбе.

– Не забыть бы спрятать материалы, – сказал он. – Пораскидали всё, учитель увидит.

– Ладно, все равно завтра уходим.

Поль сел на кровати и отложил книжку.

– А тут не написано, кто изобрел окситан.

– Эл Дженкинс, – сказал Капитан, не задумываясь. – В семьдесят втором.

Учитель Тенин пришел в 18-ю, как всегда, в четыре часа дня. В комнате никого не было, но в душевой обильно лилась вода, слышались фырканье, шлепанье и ликующие возгласы: «Виу, виу-вирулли!» Экипаж «Галактиона» мылся после занятий в мастерских.

Учитель прошелся по комнате. Многое было здесь знакомым и привычным. Лин, как всегда, раскидал одежду по всей комнате. Одна его тапочка стояла на столе Атоса и изображала, несомненно, яхту. Мачта была сделана из карандаша; парус – из носка. Это, конечно, работа Поля. По этому поводу Лин будет сердито бурчать: «Не воображай, что это очень остроумно, Полли…» Система прозрачности стен и потолка расстроена, и сделал это Атос. Клавиша поставлена у него в изголовье, и, ложась спать, он с ней играет. Он лежит и нажимает ее, и в комнате то становится совсем темно, то появляется ночное небо и луна над парком. Обычно клавиша портится, если Атоса никто не остановит. Судьба Атоса сегодня – чинить систему прозрачности.

На столе у Лина бедлам. На столе у Лина всегда бедлам, и тут ничего не поделать. Это именно тот случай, когда бессильны выдумки учителя и весь мощный аппарат детской психологии.

Как правило, все новое в комнате связано с Капитаном. Сегодня у него на столе чертежи, которых раньше не было. Это что-то новое, значит, об этом надо подумать. Учитель Тенин очень любил новое. Он присел к столу Капитана и принялся рассматривать чертежи.

Из душевой доносилось:

– А ну подбавь холодненькой, Полли!

– Не надо! Холодно! Простужусь!

– Держи его, Лин, пусть закаляется!

– Атос, дай терку…

– Где мыло, ребята?

Кто-то с грохотом валится на пол. Вопль:

– Какой дурак кинул мыло под ноги?

Хохот, крики «виу».

– Страшно остроумно! Как вот врежу!..

– Но-но! Втяни манипуляторы, ты!..

Учитель просмотрел чертежи и положил их на место. «Увлечение продолжается, – подумал он. – Теперь кислородный обогатитель. Мальчики здорово увлеклись Венерой». Он встал и заглянул под подушку Поля. Там лежало «Введение в…». «Введение» было основательно зачитано. Учитель задумчиво перелистал страницы и положил книгу на место. «Даже Поль, – подумал он. – Странно».

Теперь он видел, что на столе Лина нет боксерских перчаток, которые валялись там регулярно и непременно изо дня в день в течение двух последних лет. Над кроватью Капитана не было фотографии Горбовского в вакуум-скафандре, а стол Поля был пуст.

Учитель Тенин понял все. Он понял, что они хотят удрать, и он понял, куда они хотят удрать. Он понял даже, когда они хотят удрать. Фотографии нет – значит, она в рюкзаке Капитана. Значит, рюкзак уже собран. Значит, они уходят завтра утром, пораньше. Потому что Капитан любит делать все обстоятельно и никогда не откладывает на завтра то, что можно сделать сегодня. Кстати, рюкзак Поля наверняка еще не готов: Поль предпочитает все делать послезавтра. Значит, они уходят завтра, и уходят через окно, чтобы не беспокоить дежурного. Они очень не любят беспокоить дежурного. Да и кто любит?

Учитель заглянул под кровати. Рюкзак Капитана был упакован с завидной аккуратностью. Под кроватью Поля валялся рюкзак Поля. Из рюкзака торчала любимая рубашка Поля – без ворота, в красную полоску. В стенном шкафу покоилась со знанием дела сплетенная из простыней лестница – несомненно, творение Атоса.

Так… Значит, надо думать. Учитель Тенин помрачнел и повеселел одновременно.

Из душевой выкатился Поль в одних трусах, увидел учителя и прошелся колесом.

– Неплохо, Поль! – воскликнул учитель. – Но не гни ноги, мальчик!

– Виу! – завопил Поль и прошелся колесом в обратную сторону. – Учитель, космолетчики! Учитель пришел!

Он всегда забывал поздороваться.

Экипаж «Галактиона» ринулся в комнату и застрял в дверях. Учитель Тенин смотрел на них и думал… ничего не думал. Он очень любил их. Он всегда любил их. Всех. Всех, кого вырастил и выпустил в Большой Мир. Их было много, и лучше всех были эти. Потому что они были сейчас. Они стояли руки по швам и смотрели на него так, как ему хотелось. Почти так.

– Ка те те у эс те ха де, – просигналил учитель. Это означало: «Экипажу „Галактиона“. Вижу вас хорошо. Нет ли пыли по курсу?»

– Те те ку у зе це, – вразноголосицу ответил экипаж.

Они тоже видели хорошо, и пыли по курсу почти не было.

– Облачиться! – скомандовал учитель и уставился на свой хронометр.

Экипаж молча кинулся облачаться.

– Где мой носок?! – заорал Лин и увидел яхту. – Не воображай, что это остроумно, Полли… – проворчал он.

Облачение длилось 39 секунд с десятыми, последним облачился Лин.

– Свинство, Полли, – ворчал он. – Остроумец!..

Потом все сели кто куда, и учитель сказал:

– Литература, география, алгебра, труд. Так?

– И еще немножко физкультуры, – добавил Атос.

– Несомненно, – сказал учитель. – Это видно по твоему опухшему носу. Кстати, Поль до сих пор сгибает ноги. Саша, ты должен показать ему.

– Ладно, – сказал Лин с удовольствием. – Но он туповат, учитель.

Поль ответил немедленно:

– Лучше быть туповатым в колене, чем тупым, как полено!..

– Три с плюсом. – Учитель покачал головой. – Не слишком грамотно, но идея ясна. Годам к тридцати ты, может быть, и научишься острить, Поль, но и тогда не злоупотребляй этим.

– Постараюсь, – скромно сказал Поль.

Три с плюсом не так уж плохо, а Лин сидит красный и надутый. К вечеру он придумает ответ.

– Поговорим о литературе, – предложил учитель Тенин. – Капитан Комов, как поживает твое сочинение?

– Я написал про Горбовского, – сказал Капитан и полез в свой стол.

– Чудесная тема, мальчик! – сказал учитель. – Будет очень хорошо, если ты справился с ней.

– Ничего он с ней не справился, – заявил Атос. – Он считает, что в Горбовском главное – умение.

– А ты что считаешь?

– А я считаю, что в Горбовском главное – смелость, отвага.

– Полагаю, ты не прав, штурман, – сказал учитель. – Смелых людей очень много. Среди космолетчиков вообще нет трусливых. Трусы просто вымирают. Но десантников, особенно таких, как Горбовский, – единицы. Прошу мне верить, потому что я-то знаю, а ты пока нет. Но и ты узнаешь, штурман. А что написал ты?

– Я написал про доктора Мбогу, – сказал Атос.

– Откуда ты узнал о нем?

– Я дал ему книжку про летающих пиявок, – объяснил Поль.

– Отлично, мальчики! Все прочли эту книгу?

– Все, – сказал Лин.

– Кому она не понравилась?

– Всем понравилась, – сказал Поль с гордостью. – Я выкопал ее в библиотеке.

Он, конечно, забыл, что рекомендовал ему эту книгу учитель. Он всегда забывал такие мелочи, он очень любил «открывать» книги. И он любил, чтобы все об этом знали. Он любил гласность.

– Молодец, Поль! – сказал учитель. – И ты, конечно, тоже написал о докторе Мбоге?

– Я написал стихи!

– Ого, Поль! И тебе не страшно?

– А чего бояться? – сказал Поль небрежно. – Я читал их Атосу. Он ругал только по мелочам. Так… чуть-чуть.

Учитель с сомнением посмотрел на Атоса:

– Гм! Насколько я знаю штурмана Сидорова, он редко отвлекается на мелочи. Посмотрим, посмотрим… А ты, Саша?

Лин молча сунул учителю толстую тетрадь. На обложке растопырилась чудовищная клякса.

– Званцев, – объяснил он. – Океанолог.

– Это кто? – спросил Поль ревниво.

Лин посмотрел на него с ужасающим презрением и промолчал. Поль был сражен. Это было невыносимо. Более того: это было ужасно. Он представления не имел о Званцеве, океанологе.

– Ну славно, – сказал учитель и сложил тетради вместе. – Я прочту и подумаю. Поговорим об этом завтра…

Он сразу пожалел, что сказал это. Капитана так и перекосило при слове «завтра». Мальчику очень противно лгать и притворяться. Не надо мучить их, следует быть осторожнее в выражениях. Мучить их не за что, они же не задумали ничего плохого. Им даже ничего не грозит: их не пустят дальше Аньюдина. Но им придется вернуться, а вот это по-настоящему неприятно. Вся школа будет смеяться над ними. Ребятишки иногда бывают злы, особенно в таких вот случаях, когда их товарищи вообразят, что могут что-то, чего не могут все. Он подумал о великих насмешниках из 20-й и 72-й и о веселящихся мальках, которые прыгают с гиком вокруг плененного экипажа «Галактиона» и разят насмерть…

– Кстати, об алгебре, – сказал он. (Экипаж улыбнулся. Экипаж очень любил это «кстати». Оно казалось им восхитительно нелогичным.) – В мое время лекции по истории математики читал один очень забавный преподаватель. Он становился у доски, – учитель стал показывать, – и начинал: «Еще древние греки знали, что а плюс бэ квадрат равняется а квадрат плюс два а бэ плюс… – учитель заглянул в воображаемые записи, – плюс… э-э-э… бэ квадрат»…

Экипаж залился смехом. Матёрые космолетчики самозабвенно глядели на учителя и восторгались. Этот человек казался им великим и простым, как мир.

– А теперь смотрите, какие любопытнейшие вещи происходят иногда с а плюс бэ квадрат, – сказал учитель и сел, и все столпились вокруг него.

Начиналось то, без чего экипаж жить уже не мог, а учитель не захотел бы, – приключения чисел в Пространстве и Времени. Ошибка в коэффициенте сбивала корабль с курса и кидала его в черную бездну, откуда нет возврата человеку, поставившему плюс вместо минуса перед радикалом; громоздкий, ужасающего вида полином разлагался на изумительно простые множители, и Лин огорченно вопил: «Где были мои глаза? Как просто-то!»; звучали странные торжественно-смешные строфы Кардано, описавшего в стихах свой способ решения кубических уравнений; изумительно таинственная вставала из глубины веков загадочная история Великой Теоремы Ферма…

Потом учитель сказал:

– Хорошо, мальчики. Теперь я вижу: если вы сведете все ваши жизненные проблемы к полиномам, они будут решены. Хотя бы приближенно…

– Хотел бы я свести их к полиномам, – вырвалось у Поля, который вдруг вспомнил, что завтра его здесь не будет и с учителем придется расстаться, может быть, навсегда.

– Я тебя понимаю, товарищ ВМ-оператор, – ласково сказал учитель. – Самое трудное – правильно поставить вопрос. Остальное сделают за вас шесть веков развития математики… А иногда можно обойтись и без математики. – Он помолчал. – А что, мальчики, не сразиться ли нам в «четыре-один»?

– Виу! – взвыл экипаж и кинулся вон из комнаты, потому что для сражения в «четыре-один» нужен простор и мягкая почва под ногами.

«Четыре-один» – игра тонкая, требующая большого ума и отличного знания старинных приемов самбо. Экипаж вспотел, а учитель разорвал куртку и здорово поцарапался. Потом все сели под сосной на песок и принялись отдыхать.

– Такая вот царапина, – сообщил учитель, рассматривая ладонь, – на Пандоре вызвала бы аварийный сигнал. Меня бы изолировали в медотсеке и утопили бы в вирусофобах.

– А если бы вас кусанул за руку ракопаук? – сладко замирая, спросил Поль.

Учитель посмотрел на него.

– Ракопаук кусает не так, – сказал он. – Ему руку в пасть не клади. Между прочим, сейчас профессор Карпенко работает над интереснейшей вещью, по сравнению с которой все вирусофобы – детская игра. Вы слыхали про биоблокаду?

– Расскажите! – Экипаж навострил уши.

Учитель стал рассказывать про биоблокаду. Экипаж слушал так, что Тенину было жалко, что мир слишком велик и нельзя рассказать им сейчас же обо всем, что известно и что неизвестно. Они слушали не шевелясь и глядели ему в рот. И все было бы очень хорошо, но он помнил, что лестница из простыни ждет в шкафу, и знал, что Капитан – Капитан уж во всяком случае! – тоже помнит это. «Как их остановить? – думал Тенин. – Как?» Есть много путей, но все они нехороши, потому что надо не просто остановить, надо заставить понять, что нельзя не остановиться. И один хороший путь был. По крайней мере один. Но для этого нужна была ночь, и несколько книг по регенерации атмосфер, и полный проект «Венера», и две таблетки спорамина, чтобы выдержать эту ночь… Нужно, чтобы мальчики не ушли сегодня ночью. Даже не ночью – вечером, потому что Капитан умен и многое видит: видит, что учитель кое-что понял, а может быть, понял все. «Пусть не ночь, – думал учитель. – Пусть только четыре-пять часов. Задержать их и занять на это время. Как?»

– Кстати, о любви к ближнему, – сказал он, и экипаж снова порадовался этому «кстати». – Как называется человек, который обижает слабого?

– Тунеядец, – быстро сказал Лин. Он не мог выразиться резче.

– Трусить, лгать и нападать, – проговорил Атос. – Почему вы спрашиваете, учитель? С нами этого не бывало и не будет.

– Да. Но в школе это случается… иногда.

– Кто? – Поль подскочил. – Скажите, кто?

Учитель колебался. То, что он собирался сделать, было, в общем, дурно. Вмешивать мальчишек в такое дело – значит многим рисковать. Они слишком горячи и могут все испортить. И учитель Шайн будет вправе сказать что-нибудь малоприятное в адрес учителя Тенина. Но их надо остановить и…

– Вальтер Саронян, – сказал учитель медленно. – Я слыхал об этом краем уха, мальчики. Это все надо тщательно проверить.

Он смотрел на них. Бедный Вальтер! У Капитана бродили желваки на щеках. Лин был страшен.

– Мы проверим, – сказал Поль, недобро щурясь. – Мы будем очень тщательны…

Атос переглядывался с Капитаном. Бедный Вальтер!..

– Поговорим о вулканах, – предложил учитель.

И подумал: «Трудновато будет говорить о вулканах. Но это, кажется, единственное, чем можно задержать их до темноты. Бедный Вальтер! Да, они проверят все очень тщательно, потому что Капитан очень не любит ошибаться. Потом они будут искать Вальтера. Все это потребует много времени. Трудно найти четырнадцатилетнего паренька после ужина в парке, занимающем четыреста гектаров. Они не уйдут до вечера. Я выиграл свои пять часов, и… о бедная моя голова! Как вместишь ты четыре книги и проект в шестьсот страниц!..»

И учитель Тенин принялся рассказывать, как в восемьдесят втором году ему случилось принять участие в замирении вулкана Стромболи.

Вальтер Саронян был настигнут в парке у пруда. Это было в одном из самых дальних уголков парка, куда рискнет забраться не всякий малек, и поэтому о существовании пруда знали немногие. Пруд был проточный, с темной глубокой водой, где между длинными зелеными плетями кувшинок, тянувшимися со дна, стояли, шевеля плавниками, большие желтые рыбы. Местные охотники называли их «блямбами» и расстреливали из самодельных ружей для подводной охоты.

Вальтер Саронян был абсолютно гол, если не считать маски для ныряния. В руках у него был пневматический пистолет, стреляющий зазубренным прутом, на ногах – красно-синие ласты. Он стоял в горделивой позе и обсыхал, задрав маску на лоб.

– Для начала сделаем его мокрым, – прошептал Поль.

Капитан кивнул. Полли затрещал кустами и глухо кашлянул басом. Вальтер сделал именно то, что сделал бы каждый из них на его месте. Он надвинул маску на лицо и, не теряя времени, прыгнул в воду без малейшего всплеска. По темной поверхности прошли медленные волны, и листья кувшинок плавно поднялись и опустились несколько раз.

– Неплохо сделано, – заметил Лин, и все четверо вышли из кустов и стали на берегу, вглядываясь в темную воду.

– Он ныряет лучше меня, – сказал объективный Поль, – но не хотел бы я сейчас поменяться с ним местами.

Они сели на берегу. Волны ушли, и листья кувшинок успокоились. Низкое солнце светило сквозь сосны. Было немножко душно и тихо.

– Кто будет говорить? – осведомился Атос.

– Я, – с готовностью предложил Лин.

– Дайте его мне, – сказал Поль. – А вы будете на подхвате…

Угрюмый Капитан кивнул. Все это ему не нравилось. Близилась ночь, и ничего еще не было готово. Сегодня уйти не удастся, это ясно. Потом он вспомнил добрые глаза учителя, и ему совсем расхотелось уходить. Учитель как-то сказал им: «Все самое плохое в человеке начинается со лжи».

– Вот он! – пробасил Лин. – Плывет…

Они сидели полукругом у воды и ждали. Вальтер плыл красиво и легко, и пистолета у него уже не было.

– Привет восемнадцатой! – сказал он, вылезая из воды. – Здорово вы меня обвели… – Он остановился по колено в воде и принялся ладонями обтирать тело.

Поль начал.

– Поздравляем тебя с шестнадцатилетием, – ласково сказал он.

Вальтер снял маску и вытаращил глаза.

– Чего? – сказал он.

– Поздравляем тебя с шестнадцатилетием, дружок, – повторил Поль еще ласковее.

– Чего-то я тебя плохо понимаю, Полли. – Вальтер улыбнулся несколько принужденно. – Ты всегда так умно говоришь…

– Верно, – согласился объективный Поль, – я умнее тебя. Кроме того, я гораздо больше читаю. Итак?

– Чего – итак?

– Ты не сказал «спасибо», – пояснил Атос, стоявший на подхвате. – А ведь мы пришли тебя поздравить.

– Да что вы, ребята! – Вальтер переводил взгляд с одного на другого, силясь понять, что им надо. Совесть его была нечиста, и он начал опасаться. – Какие-то поздравления… У меня день рождения месяц назад был, и не шестнадцать, а четырнадцать…

– Как так? – Поль очень удивился. – Тогда я не понимаю, при чем здесь маска.

– И ласты, – сказал Атос.

– И пистолет, который ты спрятал под тем берегом, – сказал Лин, поступавший так же неоднократно.

– Четырнадцатилетние не лезут под воду в одиночку, – сердито сказал Капитан.

– Подумаешь! – Вальтер преисполнился презрения. – Уж не пойдете ли вы к моему учителю?

– Какой дурной мальчик! – воскликнул Поль, поворачиваясь к Капитану. (Капитан не отрицал.) – Он хочет сказать, что донес бы, если бы поймал меня в таком виде. А? Он не просто нарушитель, он…

– «Нарушитель, нарушитель»!..– проворчал Вальтер. – Сами вы, что ли, не охотились… Подумаешь, подстрелил пару блямб…

– Да, мы охотимся, – сказал Атос. – Но всегда вчетвером. И никогда в одиночку. И всегда говорим об этом учителю. И он верит нам…

– Ты лжешь своему учителю, – сказал Поль. – Значит, ты можешь солгать кому угодно, Вальтер. Но мне нравится, что ты оправдываешься!

Капитан зажмурился. Старая добрая формула – она резала его на части сейчас: «Лжешь учителю – солжешь кому угодно». Зря мы ввязались в это дело с Вальтером. Зря. Мы не имеем права…

Вальтеру было очень неуютно. Он проговорил просительно:

– Дайте мне одеться, ребята… Холодно… И… ведь это же не ваше дело. Это дело мое и моего учителя. Верно ведь, Капитан?

Капитан разлепил губы:

– Он прав, Полли. И он уже готов: он оправдывается.

Поль важно согласился:

– О да, он готов. Совесть его трепещет. Это был психологический этюд, Вальтер. Я очень люблю психологические этюды.

– Провались ты с ними! – проворчал Вальтер и попытался добраться до одежды.

– Тихо! – сказал Атос. – Не торопись так. Это была пре-ам-бу-ла. А теперь начинается амбула.

– Дайте мне, – сказал могучий Лин, поднимаясь.

– Нет, нет, Лин, – сказал Поль, – не надо. Это грубо. Он не поймет.

– Поймет, – пообещал Лин. – У меня поймет.

Вальтер резво прыгнул в воду.

– Вчетвером на одного! – крикнул он. – Эх, вы! Со-овесть!..

Поль подскочил от ярости.

– Вчетвером?! – завопил он. – Валька-малёк был вчетверо слабее тебя! Нет – впятеро, вшестеро! А ты лупил его по шее, грубая скотина! Мог бы найти Лина или Капитана, если у тебя чесались лапы, горилла!..

Вальтер был бледен. Маску он нацепил, но еще не опустил на лицо, и теперь растерянно озирался, ища выхода. Ему было холодно. И он понял.

– Стыдно, Вальтер! – сказал великолепный Атос. – По-моему, ты трусишь. Стыдно. Выйди. Ты будешь драться со всеми по очереди.

Вальтер поколебался и вышел. Он знал, что это такое – драться с 18-й, но он все-таки вышел и принял стойку. Он чувствовал, что расплачиваться придется, и знал, что это лучший способ расплатиться. Атос неторопливо потащил рубашку через голову.

– Постойте! – завопил Поль. – Останутся синяки! У нас есть и другое дело!

– Это верно, – сказал Атос и задумался.

– Пустите меня, – попросил могучий Лин. – Я буду краток.

– Нет! – Поль быстро раздевался. – Вальтер! Ты помнишь, что самое дрянное на свете? Я напомню тебе: трусить, врать и нападать. Слава богу, ты не трус, но остальное ты забыл. А я хочу, чтобы ты запомнил это накрепко. Я иду, Вальтер! Тверди заклинания!

Он собрал одежду Вальтера, лежащую в кустах, и прыгнул в воду.

Вальтер проводил его беспомощным взглядом, а Атос запрыгал по берегу от восторга.

– Полли! – кричал он. – Полли, ты гений! Что ж ты молчишь, Вальтер? Тверди, тверди, горилла: трусить, лгать и нападать!

Капитан хмуро следил за Полли, плывущим по-собачьи. Полли создавал массу шума и оставлял за собой пенистый след. Да, он хитроумен, как всегда. Тот берег зарос жуткой крапивой, и голый Вальтер будет искать там свои штаны и прочее. Искать в темноте, потому что солнце заходит. Так ему и надо. Но кто накажет нас? Мы совсем не ангелы, мы лжем. Это немногим лучше, чем нападение.

Полли возвращался. Он, задыхаясь и плюясь, вылез на берег и сразу заговорил:

– Вот, Вальтер! Иди и оденься, горилла. Я плаваю хуже тебя и ныряю хуже, но я не хотел бы поменяться с тобой местами сейчас!

Вальтер не смотрел на него. Он молча надвинул маску на лицо и вошел в теплую, парную воду. Впереди был берег, заросший жуткой крапивой.

– Запомни, ты! – крикнул Поль вслед. – Трусить, лгать и нападать! Нападать, Вальтер! Нет хуже этого!.. Крапива помогает при плохой памяти…

– Да, – сказал Атос, – раньше ею пороли. Одевайся, Либер Полли, простудишься…

Было слышно, как на том берегу Вальтер, шипя от боли сквозь зубы, ворочается в зарослях.

Когда они вернулись к себе в 18-ю, был уже поздний вечер, потому что после расправы с Вальтером Лин, чтобы отдохнуть и рассеяться, предложил сыграть в Пандору, и в Пандору было сыграно с большим вкусом. Атос, Лин и Капитан были охотниками, Полли – гигантским ракопауком, а парк – джунглями Пандоры, непроходимыми, болотистыми и жуткими. Подвернувшаяся кстати Луна изображала ЕН 9 – одно из солнц Пандоры. Играли до тех пор, пока гигантский ракопаук, бросившись с дерева на охотника Лина, не разодрал во всю длину свои штаны из сверхпрочного тетраканэтилена. Тогда пришлось идти домой. Дежурного беспокоить не хотелось, и Капитан предложил было пробираться через мусоропровод – великолепная идея, сверкнувшая среди его мрачных раздумий, подобно молнии, – но потом решили воспользоваться тривиальным окном мастерской.

Они ворвались в 18-ю с большим шумом, обсуждая на бегу ослепительные перспективы, открывающиеся в связи с идеей мусоропровода, и увидели учителя, сидевшего за столом Атоса с книгой в руках.

– А я штаны распорол, – растерянно сказал Поль. Сказать «добрый вечер» он, конечно, забыл.

– Неужели?! – восхитился учитель. – Тетраканэтиленовые?

– Ага! – Поль немедленно возгордился.

Лин желчно завидовал.

– Мальчики, – сказал учитель, – а ведь я не знаю, как их чинить!

Экипаж облегченно заорал. Они все знали – как. Они все жаждали показать, рассказать и починить.

– Давайте, – согласился учитель. – Только штурман Сидоров не будет чинить штаны, он будет чинить систему прозрачности. Судьба к нему жестока.

– Подумаешь! – сказал Атос, которому было не привыкать.

Все занялись делом. Капитан тоже занялся делом. Ему почему-то стало весело. «Завтра не уйти, – думал он. – Пока соберемся…» Идея побега уже не казалась ему такой привлекательной, но не пропадать же знаниям, накопленным за четыре декады.

– …Есть проблемы замечательные и важные, – рассказывал учитель, ловко орудуя высокочастотной насадкой, – есть проблемы великие, как мир. Но есть еще проблемки небольшие, но на редкость увлекательные. На днях я прочел одну старую-старую книгу, очень интересную. Там было, в частности, сказано, что до сих пор не решена загадка «блуждающих огней». Знаете – на болотах? Ясно, что это какие-то хемилюминесцентные вещества, но какие? Сернистый фосфор, может быть? Я соединился с Информарием, и что же? Эта загадка не раскрыта и сейчас!

– Почему?

– Дело в том, что очень трудно поймать этот «блуждающий огонек». Он, подобно Истине, мерцает вдали и не дается в руки. Лепелье пытался построить киберсистему для охоты за огнями, но у него ничего не вышло…

У учителя Тенина невыносимо болела голова. Ему было нехорошо. За последние четыре часа он прочел и усвоил четыре книги по регенерации атмосфер, а проект «Венера» выучил наизусть. Для этого пришлось прибегнуть к гипноизлучателю, а после гипноизлучателя надо обязательно лечь и хорошенько выспаться. Но хорошенько выспаться не придется. Может быть, и не следовало так перегружать мозг, но учитель не хотел рисковать. Он должен был знать о Венере и о проекте в десять раз больше, чем вся четверка, вместе взятая, иначе не стоило и возиться.

Он ждал момента, чтобы перейти к главному, и рассказывал об охоте за блуждающими огнями, и видел, как широко раскрываются ребячьи глаза и в них бьется и клокочет пламя великой фантазии, и ему было, как всегда, удивительно хорошо и радостно видеть это, хотя голова раскалывалась на части…

…А мальчишки уже шли по хлюпающей трясине в восхитительных настоящих болотных сапогах, и вокруг была ночь, и тьма, и туман, и таинственные заросли, и из чрева болота вырывались облака отвратительных испарений, и было очень опасно, и страшновато, и нужно было не бояться. Впереди маячили синеватые языки блуждающих огней, загадку которых надо было позарез – теперь это совершенно ясно – раскрыть, и на груди у каждого из охотников висел миниатюрный пульт, управляющий верными ловкими киберами, ковыляющими по трясине. А киберов этих следовало придумать, и поскорее, и непременно, а то скоро осушат последние болота и придется остаться с носом…

К тому моменту, когда штаны и система прозрачности были приведены в порядок, ни штаны, ни система прозрачности больше никого не интересовали. Поль задумал поэму «Блуждающие огни» и, натягивая штаны, бормотал уже вылившуюся у него строчку: «Гляди – в тени болотные огни». Капитан и Атос независимо друг от друга обдумывали проект болотного кибера, годного для скоростных перемещений по топкой местности и реагирующего на хемилюминесценцию… Лин просто сидел раскрыв рот и думал: «Где были мои глаза? Елки-палки!» Он твердо решил провести остаток жизни на болотах.

Учитель подумал: «Пора. Только не заставлять их лгать и притворяться. Вперед, Тенин!» И он начал:

– Кстати, капитан Комов, что это за уродливая схема? – Он ткнул пальцем в чертеж обогатителя. – Ты меня огорчаешь, мальчик. Замыслил хорошо, но выполнение на редкость неудачно!..

Капитан вспыхнул и кинулся в бой…

В полночь учитель Тенин вышел в парк и остановился возле своего птерокара. Огромный плоский блок школы лежал перед ним. Все окна первого этажа были темными, а наверху кое-где еще горели огни. Горели в 20-й, где сейчас пятерка знаменитых насмешников беседовала, наверное, со своим учителем Сергеем Токмаковым, в прошлом врачом. Горели в 107-й – там метались тени, и было ясно, что кто-то кого-то лупит подушкой по голове и намерен лупить до тех пор, пока неслышный и невидимый поток инфралучей не заставит заснуть самых беспокойных, а случится это через две минуты. Горели во многих комнатах самых старших – уж там-то решались проблемы поважнее блуждающих огней и как реконструировать порванные тетраканэтиленовые штаны. И горели в 18-й…

Учитель забрался в кабину птерокара и стал смотреть на знакомое окно. Голова неистовствовала. Хотелось лечь и закрыть глаза и положить на лоб что-нибудь холодное и тяжелое. «Мальчики вы мои, – подумал он, – неужели я вас не остановил? Ах как это трудно, как тяжело, и не всегда уверен, прав ли ты, но в конце концов оказываешься всегда прав. И как все это замечательно, и радостно, и жить без этого нельзя…»

Свет в 18-й погас. Значит, можно идти спать. Спать хочется, но жалко. «Я, наверное, не все им сказал, что мог бы и что стоило… Нет, все. Скорей бы утро! До чего же мне скучно без

них и одиноко! Паршивые мальчишки!» Учитель Тенин улыбнулся и включил мотор. Скорей бы утро…

В 18-й комнате, мужественно борясь со сном, Капитан произносил речь. Экипаж безмолвствовал.

– Позорище! Выговор всем! Тунеядцы паршивые! Позорный сброд лентяев и невежд! Чем вы занимались сорок дней? А ты, Лин? Позор! Ни одного толкового ответа…

Атос, играя с клавишей прозрачности, пробормотал:

– Да перестань ты, Капитан, нас пилить! Сам хорош – из пяти ответов четыре пальцем в небо. Да и пятый, в общем…

– Как это так – из пяти…

– Не спорь, Капитан, я считал.

Если Атос говорит, что считал, значит, так оно все и есть. Ай-яй-яй, как стыдно!.. Капитан зажмурился так, что перед глазами поплыли огненные пятна. Пропал проект «Октябрь». С позором провалился. Не штурмовать же Венеру с этой бандой невежд! Никто ничего не понял и ничему не научился. Сколько же нужно зубрить про атмосферные агрегаты, провались они пропадом! Никуда мы не годимся. Великие колонисты из 18-й комнаты… Тьфу! Но Вальтер получил хорошо. Не добавить ли ему? Нет, хватит с него. И вообще, хватит ерундой заниматься. Надо подумать над блуждающими огнями.

…Капитан шел, утопая в болоте, вместе с Атосом, и с Лином, и с Полли, у которого были драные штаны. В дымящихся испарениях мелькали юркие киберы, которых надо было еще придумать…

ХРОНИКА

Новосибирск, 8 октября 2021 года. Здесь сообщают, что Комиссия АН ССКР по изучению результатов экспедиции «Таймыр – Ермак» закончила работу.

Как известно, выполняя международную программу исследований глубокого космического пространства и возможностей межзвездных перелетов, Академия наук ССКР в 2017 году отправила в глубокое пространство экспедицию в составе двух планетолетов первого класса «Таймыр» и «Ермак». Экспедиция стартовала 7 ноября 2017 года с международного ракетодрома Плутон-2 в направлении созвездия Лиры. В состав экипажа планетолета «Таймыр» вошли: капитан и начальник экспедиции А. Э. Жуков, бортинженеры К. И. Фалин и Дж. А. Поллак, штурман С. И. Кондратьев, кибернетист П. Кёниг и врач Е. М. Славин. Планетолет «Ермак» выполнял функции беспилотного информационного устройства.

Специальной целью экспедиции являлась попытка достижения светового барьера (абсолютной скорости – 300 тысяч км/сек) и исследования вблизи светового барьера свойств пространства – времени при произвольно меняющихся ускорениях.

16 мая 2020 года беспилотный планетолет «Ермак» был обнаружен и перехвачен на возвратной орбите в районе планеты Плутон и приведен на международный ракетодром Плутон-2. Планетолет «Таймыр» на возвратной орбите не появился.

Изучение материалов, доставленных планетолетом «Ермак», показало, в частности, следующее:

а) на 327-е сутки локального времени экспедиция «Таймыр – Ермак» достигла скорости 0,957 абсолютной относительно Солнца, и приступила к выполнению программы исследований;

б) экспедиция получила и приемные устройства «Ермака» зарегистрировали весьма ценные данные относительно поведения пространства – времени в условиях произвольно меняющихся ускорений вблизи светового барьера;

в) на 342-е сутки локального времени «Таймыр» приступил к выполнению очередной эволюции, удалившись от «Ермака» на 900 млн. километров. В 13 часов 09 минут 11,2 сек. 344 суток локального времени следящее устройство «Ермака» зафиксировало в точке нахождения «Таймыра» вспышку большой яркости, после чего поступление информации с «Таймыра» на «Ермак» прекратилось и больше не возобновлялось.

На основании вышеизложенного Комиссия вынуждена сделать вывод о том, что планетолет первого класса «Таймыр» со всем экипажем в составе Алексея Эдуардовича Жукова, Константина Ивановича Фалина, Джорджа Аллана Поллака, Сергея Ивановича Кондратьева, Петера Кёнига и Евгения Марковича Славина погиб в результате катастрофы. Причины катастрофы не установлены.

(Известия Международного Центра Научной Информации, № 237, 9 октября 2021 года.)

ДВОЕ С «ТАЙМЫРА»

После обеда Сергей Иванович Кондратьев немного поспал, а когда он проснулся, пришел Женя Славин. Женина рыжая шевелюра озарила стены, и они стали розоватыми, как в час заката. От Жени хорошо и сильно пахло незнакомым одеколоном.

– Здравствуй, Сережка, милый! – закричал он с порога.

И сейчас же кто-то строго сказал:

– Разговаривайте тише, пожалуйста.

Женя с готовностью покивал в коридор, на цыпочках приблизился к постели и сел так, чтобы Кондратьев мог его видеть, не поворачивая головы. Лицо у него было радостное и возбужденное. Кондратьев уже и не помнил, когда в последний раз видел его таким. А длинный красноватый шрам на лице Жени он видел вообще впервые.

– Здравствуй, Женя, – сказал Кондратьев.

Огненная Женина шевелюра вдруг расплылась. Кондратьев зажмурился и всхлипнул.

– Фу ты, – пробормотал он сердито. – Ты прости, пожалуйста. Я здесь совсем расклеился. Ну как ты там?

– Да хорошо, все хорошо, – растроганным голосом произнес Женя. – Все просто изумительно! Главное, они тебя выходили. Как я боялся за тебя, Сергей Иванович… Особенно вначале. Один, такая тоска, такая тоска!.. Рвусь к тебе – не пускают. Ругаюсь – никакого впечатления. Уговариваю, убеждаю, пытаюсь доказать, что я все-таки сам врач… хотя какой я, в общем, теперь врач…

– Ну ладно, верю, верю, – ласково сказал Кондратьев.

– И вдруг сегодня Протос сам звонит мне. Ты здорово идешь на поправку, Сережа! Через полторы недели я буду учить тебя водить птерокар! Я уже заказал для тебя птерокар!

– Н-да? – сказал Кондратьев.

У него был в четырех местах переломлен позвоночник, разорвана диафрагма и разошлись швы на черепе. В бреду он все время представлял себя тряпичной куклой, раздавленной гусеницами грузовика. Впрочем, на врача Протоса можно было положиться. Это был толстый румяный человек лет пятидесяти (или ста, кто их теперь разберет), очень молчаливый и очень добрый. Он приходил каждое утро и каждый вечер, присаживался рядом и сопел до того уютно, что Кондратьеву сразу становилось легче. И вообще это был, конечно, превосходный врач, если до сих пор не дал умереть тряпичной кукле, раздавленной гусеницами грузовика.

– Что ж, – сказал Кондратьев. – Может быть…

– О-о! – вскричал Женя восторженно. – Через полторы недели ты у меня будешь водить птерокар! Протос – волшебник, я говорю это тебе, как бывший врач!

– Да, – сказал Кондратьев, – Протос очень хороший человек…

– Блестящий врач! Когда я узнал, над чем он работает, я понял, что надо менять профессию. Меняю профессию, Сергей Иванович! Пойду в писатели!

– Так, – сказал Кондратьев. – Значит, писатели не стали лучше?

– Видишь ли, – сказал Женя, – ясно одно: они все модернисты, и я буду единственным классиком. Как Тредиаковский: «Екатерина Великая – о! – поехала в Царское Село».

Кондратьев поглядел на Женю из-под полуопущенных ресниц. Да, Женька не теряет времени даром. Одет по последней моде, несомненно, – короткие штаны и мягкая свободная куртка с короткими рукавами и открытым воротом. Ни единого шва, всё мягкой светлой окраски. Причесан слегка небрежно, гладко выбрит и наодеколонен. Даже слова старается выговаривать так, как выговаривают праправнуки, – твердо и звонко, и больше не жестикулирует. Птерокар… А ведь всего несколько недель прошло…

– Я опять забыл, Евгений, какой тут у них год, – сказал Кондратьев.

– Две тысячи сто девятнадцатый, – ответил Женя торжественно. – Они называют его просто сто девятнадцатым.

– Ну и что, Евгений, – сказал Кондратьев очень серьезно, – рыжие – они как? – сохранились в двадцать втором веке или совершенно вывелись?

Женя все так же торжественно ответил:

– Вчера я имел честь беседовать с секретарем Экономического Совета Северо-Западной Азии. Умнейший человек и совершенно инфракрасный.

Они засмеялись, рассматривая друг друга. Потом Кондратьев спросил:

– Слушай, Женя, откуда у тебя эта трасса через физиономию?

– Эта? – Женя пощупал пальцами шрам. – Неужели еще видно? – огорчился он.

– А как же, – сказал Кондратьев. – Красным по белому.

– Это меня тогда же, когда и тебя. Но они обещали, что это скоро пройдет. Исчезнет без следа. И я верю, потому что они все могут.

– Кто это – они? – тяжело спросил Кондратьев.

– Как – кто? Люди… Земляне.

– То есть мы?

Женя заморгал.

– Конечно, – сказал он неуверенно. – В некотором смысле… мы.

Он перестал улыбаться и внимательно поглядел на Кондратьева.

– Сережа, – сказал он тихо. – Тебе очень больно, Сережа?

Кондратьев слабо усмехнулся и показал глазами: нет, не очень. «Но скоро будет очень», – подумал он. Все равно Женя хорошо сказал: «Сережа. Тебе очень больно, Сережа?» Хорошие слова, и он хорошо их сказал. Он сказал их совершенно так же, как в тот несчастный день, когда «Таймыр» зарылся в зыбкую пыль безымянной планеты и Кондратьев во время вылазки повредил ногу. Было очень больно, хотя, конечно, не так, как сейчас. Женя, бросив кинокамеры, полз по осыпающемуся склону бархана, волоча за собой Кондратьева, и неистово ругался, а потом, когда им удалось наконец выкарабкаться на гребень бархана, он ощупал ногу Кондратьева сквозь ткань скафандра и вдруг тихонько спросил: «Сережа. Тебе очень больно, Сережа?» Над голубой пустыней выползал в сиреневое небо жаркий белый диск, раздражающе тарахтели помехи в наушниках, и они долго сидели, дожидаясь возвращения робота-разведчика. Робот-разведчик так и не вернулся – должно быть, затонул в пыли, и тогда они поползли обратно к «Таймыру»…

– О чем ты хочешь писать? – спросил Кондратьев. – О нашем рейсе?

Женя с увлечением принялся говорить о частях и главах, но Кондратьев уже не слышал его. Он смотрел в потолок и думал: «Больно, больно, больно…» И как всегда, когда боль стала невыносимой, в потолке раскрылся овальный люк, бесшумно выдвинулась серая шершавая труба с зелеными мигающими окошечками. Труба плавно опустилась, почти касаясь груди Кондратьева, и замерла. Затем раздался тихий вибрирующий гул.

– Эт-то что? – осведомился Женя и встал.

Кондратьев молчал, закрыв глаза, с наслаждением ощущая, как отступает, затихает, исчезает сумасшедшая боль.

– Может быть, мне лучше уйти? – сказал Женя, озираясь.

Боль исчезла. Труба бесшумно ушла наверх, люк в потолке закрылся.

– Нет-нет, – сказал Кондратьев. – Это просто процедура. Сядь, Женя.

Он попытался вспомнить, о чем говорил Женя. Да, повесть-очерк «За световым барьером». О рейсе «Таймыра». О попытке проскочить световой барьер. О катастрофе, которая перенесла «Таймыр» через столетие…

– Слушай, Евгений, – сказал Кондратьев. – Они понимают, что случилось с нами?

– Да, конечно, – сказал Женя.

– Ну?

– Гм, – сказал Женя. – Они это, конечно, понимают. Но нам от этого не легче. Я, например, не могу понять, чт<о> они понимают.

– А все-таки?

– Я рассказал им всё, и они заявили: «Понятно. Сигма-деритринитация».

– Как? – сказал Кондратьев.

– Де-ри-три-ни-та-ци-я. Сигма притом.

– Тирьямпампация, – пробормотал Кондратьев. – Может быть, они еще что-нибудь заявили?

– Они мне прямо сказали: «Ваш „Таймыр“ подошел вплотную к световому барьеру с легенным ускорением и сигма-деритринитировал пространственно-временной континуум». Они сказали, что нам не следовало прибегать к легенным ускорениям.

– Так, – сказал Кондратьев. – Не следовало, значит, прибегать, а мы тем не менее прибегли. Дери… тери… Как это называется?

– Деритринитация. Я запомнил с третьего раза. Одним словом, насколько я понял, всякое тело у светового барьера при определенных условиях чрезвычайно сильно искажает форму мировых линий и как бы прокалывает риманово пространство. Ну… это приблизительно то, что предсказывал в наше время Быков-младший. («Ага», – сказал Кондратьев.) Это прокалывание они называют деритринитацией. У них все корабли дальнего действия работают только на этом принципе. Д-космолеты. («Ага», – снова сказал Кондратьев.) При деритринитации особенно опасны эти самые легенные ускорения. Откуда они берутся и в чем их суть – я совершенно не понял. Какие-то локальные вибрационные поля, гиперпереходы плазмы и так далее. Факт тот, что при легенных помехах неизбежны чрезвычайно сильные искажения масштабов времени. Вот это и случилось с нашим «Таймыром».

– Деритринитация, – печально сказал Кондратьев и закрыл глаза.

Они помолчали. «Плохо дело, – подумал Кондратьев. – Д-космолеты. Деритринитация. Этого мне никогда не одолеть. И сломанная спина».

Женя погладил его по щеке и сказал:

– Ничего, Сережа. Я думаю, со временем мы во всем разберемся. Конечно, придется очень много учиться…

– Переучиваться, – прошептал Кондратьев, не открывая глаз. – Не обольщайся, Женя. Переучиваться. Все с самого начала.

– Ну что же, я не прочь, – сказал Женя бодро. – Главное – захотеть.

– Хотеть – значит мочь? – ядовито осведомился Кондратьев.

– Вот именно.

– Это присловье придумали люди, которые могли, даже когда не хотели. Железные люди.

– Ну-ну, – сказал Женя. – Ты тоже не бумажный. Вот слушай. На прошлой декаде я познакомился с одной молодой женщиной…

– Вот как? – сказал Кондратьев. (Женя очень любил знакомиться с молодыми женщинами.)

– Она языковед. Умница, чудесный, изумительный человек.

– Ну разумеется, – сказал Кондратьев.

– Дай мне сказать, Сергей Иванович. Я все понимаю. Ты боишься. А здесь нельзя быть одиноким. Здесь не бывает одиноких. Поправляйся скорее, штурман. Ты киснешь.

Кондратьев помолчал, потом попросил:

– Евгений, будь добр, подойди к окну.

Женя встал и, неслышно ступая, подошел к огромному – во всю стену – голубому окну. В окне Кондратьев не видел ничего, кроме неба. Ночью окно было похоже на темно-синюю

пропасть, утыканную колючими звездочками, и раз или два штурман видел, как там загорается красноватое зарево – загорается и быстро гаснет.

– Подошел, – сказал Женя.

– Что там?

– Там балкон.

– А дальше?

– А под балконом площадь, – сказал Женя и оглянулся на Кондратьева.

Кондратьев насупился. Даже Женька не понимает. Одинок до предела. До сих пор не знает ничего. Н и ч е г о. Он не знает даже, какой пол в его комнате, почему все ступают по этому полу совершенно бесшумно. Вчера вечером штурман попытался приподняться и осмотреть комнату и сразу свалился в обморок. Больше он не делал попыток, потому что терпеть не мог быть без сознания.

– Вот это здание, в котором ты лежишь, – сказал Женя, – это санаторий для тяжелобольных. Здание шестнадцатиэтажное, и твоя комната…

– Палата, – проворчал Кондратьев.

– …и твоя комната находится на девятом этаже. Балкон. Кругом горы – Урал – и сосновый лес. Отсюда я вижу, во-первых, второй такой же санаторий. Это километрах в двадцати. Дальше там Свердловск, до него километров сто. Во-вторых, вижу стартовую площадку для птерокаров. Ах, право, чудесные машины. Там их сейчас четыре. Так. Что еще? В-третьих, имеет место площадь-цветник с фонтаном. Возле фонтана стоит какой-то ребенок и, судя по всему, размышляет, как бы удрать в лес…

– Тоже тяжелобольной? – спросил штурман с интересом.

– Возможно. Хотя мало похоже. Так. Удрать ему не удается, потому что его поймала одна голоногая тетя. Я уже знаком с этой тетей, она работает здесь. Очень милая особа. Ей лет двадцать. Давеча она спрашивала меня, не был ли я, случайно, знаком с Норбертом Винером и с Антоном Макаренко. Сейчас она тащит тяжелобольного ребенка и, по-моему, воспитывает его на ходу. А вот снижается еще один птерокар. Хотя нет, это не птерокар… А ты, Сережа, попросил бы у врача стереовизор.

– Я просил, – сказал штурман мрачно. – Он не разрешает.

– Почему?

– Откуда я знаю?

Женя вернулся к постели.

– Все это суета сует, – сказал он. – Все ты увидишь, узнаешь и перестанешь замечать. Не нужно быть таким впечатлительным. Помнишь Кёнига?

– Да?

– Помнишь, как я рассказывал ему про твою сломанную ногу, а он громко кричал с великолепным акцентом: «Ах, какой я впечатлительный! Ах!»

Кондратьев улыбнулся.

– А наутро я пришел к тебе, – продолжал Женя, – и спросил, как дела, а ты злобно ответил, что провел «разнообразную ночь».

– Помню, – сказал Кондратьев. – И вот здесь я провел много разнообразных ночей. И сколько их еще впереди.

– Ах, какой я впечатлительный! – немедленно закричал Женя.

Кондратьев опять закрыл глаза и некоторое время лежал молча.

– Слушай, Евгений, – сказал он, не открывая глаз. – А что тебе сказали по поводу твоего искусства водить звездолет?

Женя весело засмеялся.

– Была великая, очень вежливая ругань. Оказалось, я разбил какой-то огромный телескоп, честное слово, не заметил – когда. Начальник обсерватории чуть не ударил меня, однако воспитание не позволило.

Кондратьев открыл глаза.

– Ну? – сказал он.

– Но потом, когда узнали, что я не пилот, все обошлось. Меня даже хвалили. Начальник обсерватории сгоряча даже предложил мне принять участие в восстановлении телескопа.

– Ну? – сказал Кондратьев.

Женя вздохнул.

– Ничего не получилось. Врачи запретили.

Приоткрылась дверь, в комнату заглянула смуглая девушка в белом халатике, туго перетянутом в талии.

Девушка строго поглядела на больного, затем на гостя и сказала:

– Пора, товарищ Славин.

– Сейчас ухожу, – сказал Женя.

Девушка кивнула и затворила дверь. Кондратьев грустно сказал:

– Ну вот, ты уходишь.

– Так я же ненадолго! – вскричал Женя. – И не кисни, прошу тебя. Ты еще полетаешь, ты еще будешь классным Д-звездолетчиком.

– Д-звездолетчик… – Штурман криво усмехнулся. – Ладно уж, ступай. Сейчас Д-звездолетчика будут кормить кашкой. С ложечки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.